

На правах рукописи

МИРОНОВА ДИАНА МИХАЙЛОВНА

**СИСТЕМНАЯ ПРИРОДА ЯЗЫКА В СВЕТЕ
ЛИНГВОМЕНТАЛЬНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ МИРА**

Специальность: 5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
доктора филологических наук

Ярославль – 2024

Работа выполнена на кафедре романо-германской филологии
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Уральский государственный педагогический университет»

**Научный
консультант:**

Дзюба Елена Вячеславовна, доктор филологических наук, профессор, профессор Высшей школы международных отношений федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого».

**Официальные
оппоненты:**

Бредихин Сергей Николаевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь.

Акай Оксана Михайловна, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков в сфере экономики и права федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», г. Санкт-Петербург.

Устинова Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», г. Москва

**Ведущая
организация:**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск.

Защита состоится «7» июня 2024 года в 12:00 на заседании диссертационного совета 33.2.028.03 при ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского» по адресу: 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1, ауд. 315 (Зал Г. Г. Мельниченко).

Отзывы об автореферате направлять по адресу: 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1, диссертационный совет 33.2.028.03 (ученый секретарь).

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского» по адресу: 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1, а также на сайте <http://yspu.org/>.

Автореферат разослан «__» апреля 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических
наук, доцент

Разумов Роман
Викторович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В диссертации проводится разработка системологического подхода к естественному языку как важнейшему инструменту когнитивного моделирования мира.

Объектом изучения определены характеристики строения и целостности языковой системы, вовлечённые в лингвоментальное моделирование мира на том или ином знаковом уровне. В поле внимания находятся сущностные параметры субстанции, структуры и целостности системы, наиболее известные современной науке.

Предмет исследования составляет актуализация системных характеристик строения и целостности в функционировании языка как средства когнитивного моделирования мира.

Актуальность работы, таким образом, обусловлена как самим предметом исследования, так и сопряжением в нём когнитивного и системного подходов современного языкознания. Исследование отвечает активной тенденции к междисциплинарности и целесообразному сочетанию разных подходов взамен их конфронтации в научном процессе. Исходя из базовых теоретико-методологических установок данную работу, с одной стороны, можно назвать преемницей тех исследований, которые выполнены в духе системного подхода к своему объекту. Работа логически продолжает традиции отечественной и зарубежной системной лингвистики, в которых объект её раскрывается как *естественно развивающаяся сложная и большая система открытого типа*. Полагаем, что проекция достижений системологии на когнитивную сущность естественного языка содействует дальнейшему развитию системных воззрений в языкознании, ныне не завершённого.

С другой стороны, в диссертации получают разработку не теряющие актуальности вопросы функциональной лингвистики, связанные с явлением мыслительно-языкового взаимодействия, которое реализуется в первичных и вторичных процессах концептуализации / категоризации при формировании, а также репрезентации языковой картины мира. С конца XX века эвристичными считаются разнообразные аспекты взаимовлияния языка со средой. Последняя представлена социальными, психическими, культурными и, безусловно, когнитивными аспектами жизни коммуникантов. В этом ключе концептуальная система понимается нами в роли *ведущего компонента внешней среды естественного языка*, определяющей антропоцентричность языковой системы. В целях сохранения состояния, благоприятного для выполнения своего предназначения, язык призван адаптировать собственные функциональные и строевые параметры, взаимодействуя с миром человеческой когниции как системой высшего порядка.

Учитывая ведущие теоретико-методологические установки антропоцентрической лингвистики, мы полагаем когнитивную функцию языка тем базовым конструктивным звеном, которое не только определяет антропометрическую природу объекта лингвистики, но и в большой мере опосредует качество его системных параметров во взаимодействии языка с концептуальной надсистемой.

Соединяя в рассмотрении два важнейших аспекта языковой реальности, мы предполагаем раскрыть вклад субстанциональных,

структурных, а также интегративных качеств системы языка в эффективное решение ею *центральной задачи* – *быть средством фиксации, обработки и передачи мыслительного содержания*. Считаем, что анализ в заданном аспекте, с охватом ряда признаков системной онтологии языка уточняет и углубляет понимание природы этого феномена, что также придаёт работе **актуальность**.

В соответствии с принятым подходом **цель** исследования – проанализировать характеристики строения и целостности естественного языка с точки зрения их участия в языковой концептуализации и категоризации мира человеком.

Для достижения поставленной цели был сформулирован ряд основных **задач**:

- 1) провести анализ и обобщение базовых установок учения о системах в научных трудах предшественников, установив круг существенных характеристик и принципов существования открытых сложных систем;
- 2) суммировать теоретико-методологические основания когнитивной лингвистики в области языковой концептуализации и категоризации, актуальные для настоящей работы;
- 3) представить анализ субстанциональных, структурных и целостных характеристик языка с точки зрения их участия в первичной и вторичной языковой концептуализации мира;
- 4) проанализировать свойства состава, структуры и интегративности в свете представлений о языке как инструменте первичной и вторичной категоризации;
- 5) провести обобщение и систематизацию результатов, полученных на различных этапах исследования.

В ходе решения этих задач осуществлялась проверка исходной **гипотезы исследования**. Её основу составляет предположение о том, что в процессах номинации и коммуникации признаки состава, структуры и целостности языковой системы определённым образом адаптированы под задачи лингвоментального моделирования действительности, осуществляемого в процессах концептуализации и категоризации мира. Под *лингвоментальным моделированием мира* имеется в виду когнитивная деятельность субъекта, направленная на построение в его сознании ментальных моделей окружающего мира, или фрагментов картины мира, с помощью языка.

Теоретико-методологический базис работы составили существенные для цели исследования концепции и отдельные положения, разработанные в отечественных и зарубежных трудах по *системологии и системному анализу* (И.С. Алексеев, П.К. Анохин, И.А. Балаганский, Л. фон Бергаланфи, А.А. Богданов, В.Д. Ермак, Ю.А. Урманцев и др.); *философской онтологии, гносеологии, эпистемологии* (Аристотель, Б.В. Ахлибинский, Р.Д. Гутгарц, А.А. Ивин, И. Кант, Е.Ю. Смотрицкий и др.); *когнитивной психологии* (Л.С. Выготский, Б.М. Величковский, А.Д. Кошелев, К. Леви-Стросс, У. Найссер, А. Пэйвио и др.). Среди языковедческих нас интересовали достижения *методологии лингвистических исследований* (И.В. Арнольд, А.Н. Баранов, Н.А. Беседина, Н.Н. Болдырев Г.С. Щур и др.); *философии языка и семиотики* (Г.А. Брутян, И.Л. Вайсгербер, Э. Кассирер, С.Д. Кацнельсон, Г.В. Колшанский, Л.О. Чернейко, Б. Уорф и др.);

системного описания языка (Н.Н. Альбеков, И.В. Арнольд, И.А. Бодуэн де Куртенэ, О.П. Касымова, А.В. Карпов, Э.В. Кузнецова, Г.П. Мельников и др.); *традиционной лингвистической семантики* (Ю.Д. Апресян, Н.Н. Болдырев, Л.М. Васильев, И.М. Кобозева, Дж. Лайонз, И.А. Стернин, С.Г. Шафиков и др.). Из числа антропоцентрических «ветвей» языкознания мы обращались к таким из них, как *лингвокогнитология* (Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Болдырев, Е.Г. Беляевская, Л.Г. Бабенко, Л.В. Бабина, С.Г. Виноградова, В.Б. Гольдберг, Е.В. Дзюба, Е.С. Кубрякова, В. Крофт, Д. Круз, Дж. Лакофф, В. Эванс и др.); *психолингвистика* (Э. Бейтс, Н.И. Жинкин, А.А. Залевская, И.А. Зимняя, А.А. Леонтьев, Р.М. Фрумкина, Т.В. Черниговская и др.); *коммуникативно-функциональная лингвистика* (А.В. Бондарко, Г.А. Золотова, Т.А. Кильдибекова, А.Ю. Маслова и др.) и *лингвокультурология* (А. Вежбицкая, С.В. Иванова, О.А. Корнилов, В.И. Карасик, В.А. Маслова, Э. Сепир, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, Б.Л. Уорф и нек. др.).

Материалом исследования послужил корпус языковых / речевых фактов (~3500 единиц), содержащий разноуровневые знаковые единицы различной стилевой принадлежности. Исследуемый материал извлекался из доступных нам трудов по традиционной семантике, лингвокогнитологии и теории систем (монографий, диссертаций, научных статей, учебных пособий); из различных лингвистических словарей (толковых, этимологических, словообразовательных, фразеологических, ассоциативных, синонимических и антонимических словарей, словарей-справочников пословиц и поговорок); сетевых и печатных энциклопедий; из живой устной речи. Также мы обращались к текстам художественного, публицистического, научного и разговорного стилей, задействуя ресурсы Национального корпуса русского языка. Кроме того, привлекались результаты собственных лингвистических экспериментов.

Принятый в работе подход, как и разнообразный материал исследования, преопределили использование **комплекса общенаучных и специальных лингвистических методов**. В число общенаучных методов научного познания вошли такие из них, как анализ и синтез, ретроспекция, сопоставление, установление аналогии, системный метод, описательный метод, представленный приёмами наблюдения, обобщения, классификации и интерпретации материала. Из области частной методологии мы привлекали совокупность методов *до-когнитивной лингвистики*: дефиниционный и контекстуальный виды анализа, методы оппозиций и полевой стратификации, обращение к отрицательному языковому материалу, этимологический и словообразовательный анализы. Важное место при анализе занимали методы *когнитивных исследований языка*: концептуальный анализ в его таксономической, концептуально-репрезентативной и когнитивно-матричной разновидности; пропозиционально-фреймовое моделирование словообразовательных единиц; когнитивное моделирование полисемии; метод субъективной дефиниции. В качестве основного междисциплинарного метода применялся метод когнитивно-системологической интерпретации вербальных фактов. Алгоритм применения данного метода включал следующие этапы: 1) выбор интересующего системного параметра языка; 2) отбор круга вербальных средств, связанных с данным системным параметром; 3) когнитивная интерпретация выделенных средств; 4) интерпретация

когнитивных оснований семантики с точки зрения интересующего системного параметра; 5) обобщение результатов исследования.

Научная **новизна** исследования определяется следующими аспектами диссертационной работы:

- 1) применением единого когнитивно-системологического подхода к моделированию естественного языка, что предполагает новое для теории языка и исследовательской практики сочетание лингвокогнитивного описания с системным взглядом на языковой феномен;
- 2) установлением фактов причинно-следственной адаптивности характеристик строения и целостности языковой системы под запросы когниции;
- 3) разработкой метода когнитивно- системологической интерпретации явлений мыслительно-языкового взаимодействия, который может использоваться в направлении от некоторого аспекта когнитивной функции языка к выбранному системному параметру или в обратном направлении;
- 4) рассмотрением свойств системно-языковой природы соотносительно с процессами первичной и вторичной концептуализации мира;
- 5) анализом свойств системно-языковой природы соотносительно с процессами первичной и вторичной категоризации объектов действительности.

Сказанное выше определяет собою эвристичность предложенного подхода, теоретическую значимость и практическую ценность результатов исследования.

Теоретическая значимость итогов работы заключается в том, что они уточняют понимание языка как системно организованного инструмента когниции. Сформулированные в диссертации утверждения обогащают теорию языка в плане изучения его системных характеристик, с одной стороны, и антропоцентрической природы, – с другой. Проанализирован ряд системных параметров языка, которые вовлечены в концептуально-языковое взаимодействие, участвуют в процессах адаптации языка относительно задач когниции и содействуют устойчивому функционированию его системы в качестве посредника между человеком и миром, конструируемым в сознании. Кроме этого, полученные результаты способствуют развитию более «объёмных» представлений о языковой системности, которые не ограничиваются и не исчерпываются описанием структурных отношений языковых единиц. Такой интегративный подход содействует дальнейшему постижению природы естественного языка и вполне согласуется с диалектическим представлением о спиралевидном движении истории научного знания: выделенные ранее аспекты языковой реальности освещаются на основе качественно и количественно более состоятельных теорий и методов, получая тем самым разработку на более высоком уровне. Изложенные в работе идеи концептуально обогащают не только лингвистику, но и, в определённой мере, теорию систем, экстраполируя, апробируя и верифицируя её теоретические положения на новом, лингвокогнитивном, материале.

В свою очередь, **практическая ценность** работы состоит, во-первых, в возможности использования теоретических выводов

в последующей практике лингвистических исследований. Результаты диссертационного сочинения могут представлять интерес и в обучающих целях, при подготовке учебных курсов по дисциплинам лингвистического цикла, таким как «Общее языкознание и история лингвистических учений», «Когнитивная лингвистика», «Системная лингвистика», «Лингвистическая семантика», «Иностраный язык», «Русский язык» (при освоении системы изучаемого языка с активизацией когнитивного подхода лингводидактики). Вероятна востребованность итогов исследования в других отраслях знания (к примеру, в психологии, философии), которые имеют выход в изучение человеческого познания и системности окружающего мира.

Обобщение наиболее существенных результатов выполненной работы позволяет сформулировать и предложить к защите следующие **положения**:

1. Разработанные в лингвистике типы аспектных моделей естественного языка в сущности акцентируют тот или иной параметр его системной природы. «Высвечивая» ту или иную системно-языковую «грань», они находятся во взаимодополняющем отношении и хронологически коррелируют с этапами последовательного осмысления феномена системности в истории научного знания: от элементарного (атомистического) подхода через структурный к системно-функциональному и системно-целостному. Научное внимание к среде функционирования языковой системы содействовало укреплению антропоцентрической парадигмы языкознания.

2. Когнитивная лингвистика обладает высоким потенциалом для адекватного и экспланаторного моделирования системной сущности естественного языка. Теоретико-методологические посылки данной отрасли знания хорошо согласуются с принципами существования открытых сложных систем и позволяют охватить в исследовании многие реальные и, на первый взгляд разрозненные, аспекты языковой системности на едином основании – в их соотносённости с процессами концептуализации и категоризации мира. Это дополнительно поддерживает идейную стройность, научную состоятельность и общелингвистическую ценность лингвокогнитологии.

3. В целях системного моделирования языка как феномена когнитивного правомерно использовать метод *когнитивно-системологической интерпретации языковых явлений*. Он позволяет осмыслить языковую когницию (процессы и механизмы вербальной концептуализации и категоризации) в соотношении с принципами существования открытых сложных систем и раскрыть способы участия конкретных системно-языковых параметров в реализации тех или иных аспектов когнитивной функции языка на том или ином уровне его структуры. Сообразно исследовательским задачам, определяющим соотношение объекта и предмета анализа, предложенный метод может быть реализован в двух версиях: от некоторого системно-языкового признака к процессам и механизмам вербальной концептуализации / категоризации мира, и наоборот.

4. Осуществление процессов языковой концептуализации и категоризации мира достигается за счёт целесодействующей адаптации характеристик состава, структуры и целостности языка к когнитивным задачам и механизмам, к активной концептуальной сигнатуре метасистемы и происходящим в ней модификациям. Наиболее глобальными в этом

процессе рисуются принципы *целесолагания, качества и детерминизма системы среды*. Чувствительность среды ко множеству сторон индивидуальной и социокультурной жизни говорящих, к проявлениям мыслительной креативности и детерминантам мысли воплощается в системной *многофакторности* формирования языковых значений и речевых смыслов, в их *многообразии* и общей когнитивно обусловленной *дополнительности* в разных контекстах или картинах мира.

5. Приоритетный для языка статус когнитивной функции определяет собой исходное доминирование *положительных обратных связей* системы языка с её концептуальной метасистемой. В качестве главного ограничения, организующего активность и результаты этих связей извне, выступает кодифицированная норма, которая приводит в действие отрицательную обратную связь языка со средой.

6. Интегративные качества языковой концептуализации / категоризации представлены явлениями *кооперативности* и *эмерджентности* в семантическом пространстве. Кооперативность реализуется в соотношении членов номинативного поля концепта / категории; лексики и грамматики; репрезентативной и семиотической сторон языка, которые отличаются системной *специализацией* передавать определённый мыслительный фрагмент в рамках семиотических техник данного языка и тем самым находятся в функциональной *координации*. Она обеспечивает историческую *устойчивость* языка в роли универсального средства общения, а избыточность средств наращивает полезное свойство *эквифинальности* языковой системы. Эмерджентные характеристики преобладают на уровне вторичных лингвоментальных процессов и обусловлены нелинейными преобразованиями в составе бленда, вербализуемого на лексическом или синтаксическом уровнях.

Апробация работы. Основные итоги исследования представлены в виде научных статей и докладов на конференциях различного уровня: международных (Белгород, 2017; Минск, 2018; Нижний Новгород, 2019; Екатеринбург, 2020; Москва, 2021; Минск 2021; Курск 2022; Москва 2022; Гомель 2023), всероссийских (Тамбов, 2018; Тамбов, 2020; Москва, 2021; Пятигорск, 2022). По теме исследования опубликованы одна монография, 30 статей, 23 из которых вышли в свет в научных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ.

Структура диссертации определяется задачами исследования и логической связью между ними. Диссертация включает в себя введение, шесть глав, заключение, список использованной литературы (527 наименований, включая источники фактического материала) и 6 приложений. Каждая глава завершается краткими выводами. Содержание работы изложено на 464 страницах.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** даётся общая характеристика проблемы исследования, обосновывается актуальность избранной темы, устанавливаются объект и предмет исследования, а также границы фактического материала. В данной части исследования формулируется рабочая гипотеза, ставятся цель и задачи, очерчиваются методы и теоретическая база исследования, определяются

научная новизна, теоретическая и практическая ценность, а также структура диссертации.

Главы 1 и 2 освещают и обосновывают теоретико-методологический аппарат проведённого исследования. Они предлагают читателю круг тех проблем и положений, с которыми в истории научного знания сопряжено постижение системности: системности как фундаментального свойства мира в целом и характеристики естественного языка в частности. В **главе 1 «Становление системологических воззрений в истории философского и частнонаучного знания»** раскрываются философские трактовки системной онтологии, анализируются их становление и развитие в русле конкретно-научного знания, приводится обзор системно ориентированных концепций, что позволяет создать картину поступательного формирования теории систем как междисциплинарной науки. В заключительном **параграфе** главы (**1.3**) описываются основные положения системологии в современном состоянии её теории и методологии.

В **главе 2 «Системные характеристики естественного языка и основные подходы к их изучению»** с использованием ретроспективного и описательного методов в качестве ведущих обобщается уже имеющийся опыт лингвистического анализа, значимый для понимания субстанциональных, структурных и целостных качеств языковой системы.

Выявлены различия в интерпретации базовых понятий при построении моделей языка, а также неравнообъёмный учёт его системных характеристик в предлагаемых дефинициях объекта лингвистики. Такое положение дел объясняется необозримостью и одновременной многоплановостью данного феномена и, кроме того, обусловлено спецификой конкретных лингвистических направлений, выделяющих тот или иной аспект системы. В русле антропоцентрической парадигмы естественный язык предстаёт как элемент сверхсложного антропометрического комплекса, как *открытая естественная динамическая сложная идеально-материальная система, которая занимает промежуточное положение между жёсткими и мягкими системами и адаптируется к задачам человеческой когниции, а через неё – к широкому социокультурному контексту.*

Анализ теоретико-методологических установок когнитивной лингвистики позволил раскрыть их значительную адекватность реальным аспектам системно-языковой природы, что наделяет лингвокогнитологию особой общелингвистической ценностью. Данное обстоятельство отвечает историческому движению научного знания по спирали, когда уже известные проблемы и аспекты анализируются на более высоком теоретико-методологическом уровне.

В **главе 3 «Системная природа языка в аспекте первичной репрезентации мира»** субстанциональные, структурные и целостные качества языка последовательно рассматриваются в контексте их участия в первичной языковой концептуализации мира. Под *концептуализацией* вслед за Е.С. Кубряковой понимается один из ведущих познавательных процессов, который направлен на выделение в сознании минимальных единиц организации опыта и мышления – концептов. Роль естественного языка в осуществлении различных этапов данного процесса освещается в **параграфе 3.1 «К вопросу о роли языка в концептуальном членении мира»** с обращением к концепциям философии, когнитивной психологии,

лингвистики и лингвокогнитологии (Э. Кассирер, Р.И. Павилёнис, У. Найссер, Г.Э. Бейтс, Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, И.А. Зимняя, А.А. Потебня, Э. Бенвенист, Е.С. Кубрякова, И.А. Стернин, Н.Н. Болдырев, Г.Н. Манаенко). Показано, что научные представления о первичной языковой концептуализации, в том числе до появления когнитивной лингвистики, формировались в контексте решения глобального вопроса о связи языка и мышления. В центр внимания помещались аспекты схематизации, становления и выражения мысли в вербальной форме, акцентировалась мыслительная основа коммуникативной, гносеологической и номинативной функций языка. В трудах предшественников было установлено, что его знаки служат ведущим конвенциональным средством обобщения, обеспечивают символическую фиксацию и организацию в памяти мыслительного содержания, а также содействуют координации концептуальных систем за счёт информационного обмена. Кроме того, языковой знак способен активизировать в сознании человека целые массивы информации, позволяя за счёт её организации воссоздавать целостные ментальные репрезентации по части вербализованного содержания в семантике знака. Таким образом, по сравнению с другими семиотическими системами естественный язык обеспечивает хранение и трансляцию когнитивно выделенной информации на качественно более высоком уровне, служит базой для продуцирования нового знания, обладает широкой комбинаторикой и функционально-семантическим богатством. Как следствие, синхронно и исторически, система языка содействует реализации филогенетических способностей человека к обобщённому и опосредованному отражению объектов действительности с их бытийными связями. С точки зрения системологии данное свойство представляет существенный аспект языковой системы, образующий *целевую детерминанту* её функционирования. Этот факт согласуется с научной интерпретацией естественного языка как формы существования сознания, материально-идеальной подсистемы когниции. Выполнение языком когнитивной функции предполагает установление активных, по природе своей положительных, обратных связей с когнитивной средой на основе информационного ресурсного обмена с концептуальной системой и её базовыми единицами – концептами.

В *параграфе 3.2 «Субстанциональные свойства языковой системы в свете первичной концептуализации мира»* некоторые характеристики элементарного плана языковой системы анализируются с позиций их вклада в первичную концептуализацию действительности, приводятся конкретные иллюстрации явлений, осуществляется их системологическая интерпретация.

На уровне субстанциональном концептуально-языковые взаимосвязи выстраиваются на основе согласованного функционирования концептуального и семантического пространств в сочетании с определёнными языковыми техниками. Обращение к базовым установкам лингвокогнитологии показало, что участие вербальных знаков языка в образовании и закреплении первичных концептов является *системообразующим фактором* для всего семантического пространства. На наличие информационной ресурсной связи языковой и концептуальной систем указывают многие определения термина «значение», данные с позиций когнитивного подхода: «понятия, связанные знаками»

(М.В. Никитин) [Никитин 1996], «концепты, схваченные знаком» (Е.С. Кубрякова) [Кубрякова 1991], «когнитивные структуры, включённые в модели знания и мнения» [Болдырев 2014: 106]. Это позволяет заключить, что семантическая сторона языка предстаёт в качестве *сигнатуры языковой системы*, то есть в роли той её части, которая наиболее тесно взаимодействует со средой (в данном случае когнитивной), а через её посредство, – со всем умопостигаемым миром. В своей совокупности единицы плана содержания рисуются как *сигнатура системы естественного языка*, взаимодействующая с элементами когнитивной среды наиболее тесно, что обеспечивает реализацию когнитивной и аккумулятивной его функций. В случае заимствованных слов вроде *толерантный, система, инвестиция, флешмоб, интерфейс* конституирующая для исходной концептуализации функция знаков специфично проявляется в том, что они обеспечивают трансфер концептуальной единицы из одной культуры в другую.

Вместе с тем семантическое пространство не тождественно концептуальному плану, хотя и сопрягается с ним обратными связями. Подобного рода *неизоморфное отражение* одного объекта в другом, включая его частичное преобразование и относительность языкового членения, соответствует одной из универсальных характеристик строения систем. Частное выражение она находит на уровне отсутствия закрепляющей лексической номинации некоторого концепта (ср. *белый* → *белизна, оранжевый* → \emptyset ; *лететь* → *летья, бежать* → \emptyset ; рус. *сутки* – исп. *veinticuatro horas*, рус. *однокурсник* – исп. *compañero del mismo año*), в различиях объёмов дефиниционного минимума и психологически реального значения (ср., например, отсутствующее в толковых словарях значение ‘капельница’ у слова «система», выявленное по итогам проведённого нами САЭ).

Когнитивно детерминируемая организация субстанциональной стороны языка достигается на основе *принципов многофакторности и качества*. Актуальная детерминанта когнитивной метасистемы (интенциональный аспект познавательной деятельности коммуниканта) направляет, определяет собой количество, а также качество ограничений на разнообразие языковых единиц в рамках той или иной формы общественного сознания и картины мира с присущими им когнитивными детерминантами. Существование определённого круга *ограничений на разнообразие элементов и их состояний* представляет важнейшее условие системной организации. В лингвоментальной деятельности человека возможность этих ограничений обеспечивается когнитивными и языковыми механизмами работы с поступающей информацией или с уже имеющимися знаниями.

Регулируемое разнообразие состава естественного языка отвечает *закону специализации компонентов системы*: соответствуя креативности человеческого мышления, разной сложности, степени абстракции и форматности передаваемых концептов, вербальные репрезентанты концептуальных единиц объективируют фрагменты знаний неодинаковым образом и тем самым обеспечивают коммуникативную полноту. Каждый из них предназначен фиксировать ту или иную прагматически существенную часть концепта. Специализация такого рода придаёт языковой системе большую *сложность* состава, усиливая тем самым пригодность для выполнения информационных задач. Кроме того, вследствие *полезной избыточности* функционально близких единиц наращивается

эквивалентность системы, определяемая как возможность разными способами (языковыми механизмами) приводить к сходному смысловому результату. Одновременно субстанциональная специализация поддерживает *гомеостатичное и гибкое функционирование* языка как лингвентального феномена. Так, например, концепт КОЛИЧЕСТВО в проекции на разные сферы опыта первично осмысливается и объективируется в русском языке с помощью равноуровневых единиц: *количество, число, огонь / искра, большой / малый, высокий / низкий, крупный / мелкий, лёгкий / тяжёлый, книжн. великий / разг. малая толика, разг.-сниж. амбал / карлик* [Ефремова 2000], *народ – народы, один, два, три... сколько угодно, от мала до велика.*

В свою очередь, номинанты концепта, создающие непродуктивную избыточность, сообразно системному закону *отсутствия лишнего*, устраняются или приобретают семантическое либо стилистическое своеобразие (ср. языковые механизмы диахронического устранения непродуктивной избыточности за счёт семантической или стилистической дифференциации: *благо – болого; сторона – страна; золото – трад.-поэт. злато; буква – литера; псл.*stýlati* ‘накладывать, упаковывать, расстилать’ [Фасмер 1987] → рус. *стлать* и разг. *стелить* [Кузнецов 2000]).

Организация элементов языка относительно концептуальной среды регулярно проявляется и в процессах их актуализации, а именно на уровне онтологического разграничения значения и смысла. При формировании смысла содержание тематического концепта, преобразуясь в операционный (термин Н.Н. Болдырева), конфигурируется с учётом актуальной коммуникативно-прагматической информации за счёт приложения определённых когнитивных механизмов, среди которых профилирование / дефокусирование, перспецификация, инференция. Процесс «кристаллизации» смысла, таким образом, находится в соответствии с феноменом *актуализации сигнатуры при функционировании открытой динамической системы*. В плане конкретного речевого смысла такую сигнатуру образует семантика номинантов актуализируемых тематических концептов.

В параграфе 3.3 «*О роли языковой структуры в первичной концептуализации действительности*» решается задача описания ряда системно-структурных характеристик семантического пространства в его связи с концептуальной системой.

По общему мнению философов и психологов [Алексеев, Панин 2005; см. также Сосновский 2019; Кошелев 2008], предпосылка *структурирования познавательных процессов* коренится в системной онтологии самого мироздания, которая предусматривает определённую связь предметов и явлений между собой и с окружающей средой.

Результаты системологической интерпретации структурной стороны мыслительно-языкового взаимодействия привели к заключению о том, что *закономерно упорядоченный характер процесса концептуализации и его результатов* как фактор среды оказывает существенное влияние на организацию языковой системы (ср. в этой связи понятия языковой картины мира, ассоциативно-вербальной сети, формата знания в языке). Причинно-следственные связи между структурами концептуальной и языковой систем неоднократно отмечались лингвистами в более и менее явной форме (Р.А. Будагов, В.И. Карасик, Ю.Е. Прохоров, Н.Н. Болдырев, И.А. Стернин, Р. Лэнжер, Ж. Фоконье, Л. Талми, Дж. Лакофф и нек. др.) и в конце XX века

легли в основу концепции когнитивной грамматики, которая имела конкретную задачу моделирования этих связей.

Упорядоченный характер познания позволяет считать концепты мыслительными *конструктами* фрагментов опыта в человеческой памяти. Такие конструкты представлены *структурой внутренних признаков концепта и его внешних связей в концептосфере*. В статическом отношении то или иное «конструирование концептов» подчиняется *законам композиции элементов* знания в концептосфере и внутреннем лексиконе на основе ассоциативных связей. В динамическом отношении «архитектура когниции» [Fodor 1983] обеспечивается универсальными для человеческого мышления когнитивными механизмами. Устанавливаемые при их посредстве положительные обратные связи языка с когницией образуют *внешнюю структуру языковой системы* и служат динамической основой манифестации мыслительных структур за счёт конструктивных качеств языковых знаков. Наличие разветвлённой ассоциативной структуры как одно из проявлений системной организации внутреннего лексикона облегчает и ускоряет доступ к его единицам в процессах манипулирования ими при порождении и понимании речи. При этом центральной единицей этой ментальной сети является слово, образующее в сознании многомерные ассоциативно-лексические связи, обусловленные как внеязыковым опытом индивида, так и практикой речи.

Таким образом, согласно *принципам детерминизма и квалитета*, в синхронии и диахронии семантический план оказывается упорядоченным в соответствии с организацией наших знаний. Этот порядок определяется, с одной стороны, полевой структурой характеристик концепта и его конкретным форматом. Отметим, что возможность разноформатного представления в языке одного и того же концепта являются следствием системно-структурной *полиморфичности* концептуальных единиц и их вербальных репрезентантов. Так, концепт ДВИЖЕНИЕ вербализуется в виде сценарного фрейма (*поход в магазин, полёт на самолёте*), понятия (*идти – ‘двигаться, передвигаться, ступая ногами’* [Ефремова 2000]), образного формата (*лететь стремглав*), схемы (*траектория движения*). С другой стороны, существенны реальные связи объектов, зафиксированные логическими отношениями между концептами. В сфере действия этих отношений находятся номинанты каждого концепта, появляясь и утрачиваясь в системе, вступая во внутриязыковые связи между собой или с вербализациями других концептов, так что лексический знак не только обеспечивает «сжатие сюжета» [Телия 2005: 15], но и «запускает» целый комплекс взаимосвязанных концептов...» [Гольдберг 2009: 106]. Одной из многочисленных иллюстраций этого положения может служить сценарный фрейм ПОХОД В МАГАЗИН, который определяет ассоциативные и лексические связи между номинациями *купить, продать, товар, продукт, деньги, магазин, касса, очередь, цена, качество, марка*, первичными с точки зрения современного языкового сознания.

Межконцептуальные связи ложатся в основу структуры разнообразных лексических парадигм. К примеру, логическая иерархия концептов ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ → РАСТЕНИЕ → ВИД РАСТЕНИЯ организует ЛСГ «растения»: *растение* – ‘Организм, питающийся неорганическими веществами воздуха и почвы и способный создавать из них органические...’; *роза* – ‘1. Кустарниковое растение семейства розовых

с крупными душистыми цветками...»; *лилия* – ‘1. Многолетнее луковичное растение с прямым высоким стеблем и крупными красивыми цветками в виде колокола’; *лотос* – ‘Южное водяное растение с красивыми крупными цветками’ [Ефремова 2000].

Когнитивная детерминация языковых структур имеет место как в статике (на уровне тематических концептов), так и в функциональной динамике системы (на уровне операционных концептов). Скажем, межконцептуальные связи организуют не только оппозиции концептов, лежащие в основе языковых парадигм, но и преобразования тематических концептов в операционные в речевой цепи. При передаче актуального смысла языковой знак (его речевой вариант), как «превращённая форма» [Альбеков 2021], передаёт когнитивную структуру с учётом требований коммуникативной ситуации. При этом если парадигматика базируется на *принципе системной взаимодополняемости элементов*, то для синтагматики важна *согласованность, совместимость их характеристик*. Следовательно, субстанциональные ограничения, задающие объём и качество семантики знаковых единиц, оказывают опосредованное влияние на их структурный потенциал.

В основе синтагматических отношений лежат межконцептуальные связи, адекватно передающие онтологические связи объектов в реальном или вымышленном мире. За семантическим согласованием имён и предикатов, а также их аранжировкой «просвечивает» мыслительно опосредованная «логика соотношений вещей и их свойств» [Краец 2001: 22]. Относительно неё устанавливается линейная организация знаков в составе единиц более высокого уровня, определяется связность текста. Так, в высказывании *Хворост жарят на сковороде в кипящем растительном масле* наблюдаем повтор смыслового компонента ‘приготовление пищи’, во фразе *На встречу одноклассников пришли десять человек* согласование по смыслу реализует форма множественного числа глагола. Другой пример – иконичный порядок компонентов в составе устойчивых выражений, передающих изоморфный когнитивный опыт: *день и ночь, альфа и омега, жизнь и смерть, сегодня и завтра, гром и молния, вопросы и ответы* [Буб 2019], *Пришёл, увидел, победил*; *Пришёл, увидел... и унёс* (цитаты из выступления «Клуба весёлых и находчивых»); *Пришёл, увидел, убежал* [Добренко 2013]; *Пришёл, увидел, наследил!* (из фильма «Они сражались за Родину»).

Итак, взаимопереплетение свойств состава и структуры знакового плана языковой системы даёт *системоприобретённый интегративный эффект*, наделяющий её статусом исторически устойчивого лингвоментального феномена.

Выражению языковой интегративности в русле первичной концептуализации мира посвящён завершающий главу **параграф 3.4 «Интегративные качества системы языка как средства первичной концептуализации мира»**. При анализе учитывалось, что эти качества могут находить проявление как в отрыве от актов речи, так и в конкретном дискурсе. Существенная для когниции интегративность языковой системы функционально может задействоваться как при порождении новых единиц знания, так и при их актуализации в речи. На основе концептуального анализа и системологической интерпретации материала было установлено, что первичная языковая концептуализация опирается на *кооперативность* либо

эмерджентность вербальных единиц как виды целостных свойств. В обоих случаях интегративность может проистекать из внутреннего, синергетического потенциала языковой системы или же обуславливаться извне целостными характеристиками концептуальной среды. Соответственно принципам *качества, специализации и координации частей* в сочетании с *нелинейностью сложной системы* эти качества позволяют языку оптимально реализоваться в качестве универсальной системы знаков, гибко и экономно передавать широкий спектр первичных концептуальных единиц, в том числе на уровне нерегулярных употреблений.

В случае *кооперативности* перед нами взаимозависимое функционирование языковых единиц в целях знаковой фиксации, а также вербальной передачи новых фрагментов опыта. Такая согласованность компонентов поддерживает систему языка в состоянии, благоприятном для номинации и трансляции первичного концептуального содержания.

Одну из ярких иллюстраций кооперативной целостности представляет комплементарность членов номинативного поля концепта: лексических, грамматических, словообразовательных единиц, которых тем больше, чем более востребован данный концепт в языковом коллективе. Любая из них, будучи когнитивно обусловленным элементом системы, с той или иной регулярностью передаёт фрагмент содержания концепта, явленный в некотором формате знания. Тем самым каждый элемент номинативного поля вносит свой частный вклад в функционирование языка как инструмента когниции. Комплементарность номинантов концепта как предпосылка системной целостности имеет выход в другой её аспект, демонстрирующий влияние языка на когницию человека, то есть воздействие компонента на целое, системы – на среду. Изменение объёма номинативного поля концепта за счёт пополнения или архаизации его элементов, очевидно, влияет на потенциал национального языка репрезентировать данный концепт и, таким образом, способно вызывать сдвиги в соответствующей языковой картине мира. Так, за почти уже тридцать лет лексика ИТ-сферы заметно расширила свой состав и активно проникает в повседневный речевой обиход, расширяя знания говорящих об этой сфере. Освоение новых реалий, связанных с устройством и функционированием компьютерной техники (*винчестер, интерфейс, курсор, модем, флеш, браузер, Гугл...*), одновременно ведёт к значительному расширению номинативного поля концепта КОМПЬЮТЕР (около 4500 единиц [Семак 2019]). И, напротив, утрата в XX веке бытовавших ранее лексем *сударь / сударыня* (устар. 'Форма вежливого, учтвого обращения к мужчине' [Кузнецов 2000: 1287]) сократила потенциал русского языка в реализации концепта ВЕЖЛИВОСТЬ.

В аспекте кооперации правомерно рассматривать и онтологическое взаимодействие отражательно-ориентированного и вербально-ориентированного содержания, репрезентативной и семиотической сторон языка [Болдырев 2013], лексики и грамматики семантического пространства. На уровне словоформы, высказывания и текста совместно эти стороны обеспечивают возможность формирования адекватного смысла: лексическое значение профилирует в сознании определённую когнитивную область – актуализируемое содержание тематического концепта; грамматическое значение транслирует наиболее общие логические категории и структурирует концептуальное содержание по семиотическим правилам данной языковой

системы [Панасенко 2010]. Такого рода кооперативность выступает как *гомеостатический фактор* и реализуется, скажем, в единстве функционирования грамматического числа, передающего абстрактный концепт КОЛИЧЕСТВО, и лексического значения словоформы. Актуализация числовых форм, как известно, чувствительна к онтологической исчисляемости / неисчисляемости концептуализируемых феноменов в пределах того или иного лексико-грамматического разряда: *костюм – костюмы, лекция – лекции*, но *молоко – \emptyset , разум – \emptyset , свет – \emptyset , любовь – \emptyset* . В языках с криптоклассной системой координация лексических и грамматических средств выражения количества воплощается по-особому, а именно в зависимости формы его репрезентанта от характера лексического денотата. Так, нумеративные конструкции в китайском языке в обязательном порядке предполагают использование счётного слова (всего наличествует около 100 слов), избираемого соответственно рубрике опыта. Так, счётное слово 条 (*tiáo*) применяется в отношении продолговатых объектов, 双 (*shuāng*) при исчислении парных предметов, 辆 (*liàng*) маркирует повозки и экипажи, тогда как 件 (*jié*) употребляют в отношении занятий, уроков.

На примере словоформы русского языка допустимо вести речь и о кооперации взаимосвязанных грамматических концептов, к примеру, числа и рода существительного, которые могут передаваться в её составе одним или несколькими показателями (аффиксами, служебными словами).

Отметим также языковую кооперацию вербализованных концептов на уровне первичного смысла высказывания, передающего исходный концепт ситуации. Целостность высказывания как микросистемы складывается в индивидуальном речевом акте и определяется установлением ситуационно актуальных связей между лексическими и грамматическими концептами, передаваемыми разноуровневыми средствами. Имеет место согласование концептуальных характеристик лексических значений относительно предиката, а также лексических и грамматических значений. Данные связи устанавливаются с опорой не только на явные, но и на инферентные смыслы, выводимые по принципу кооперации П. Грайса и следующих из него максим. Достижение определённых суждений в опоре на внеязыковую реальность позволяет участникам общения соблюсти динамическое равновесие микросистемы высказывания. В результате косвенные выражения вроде *Вы не могли бы закрыть дверь?*; *Вы выходите?* (вопрос в транспорте); *На улице дождь!* (в адрес собеседнику, готовому выходить из дома без зонта) и др. под. функционируют как вполне нормальные. Таким образом, комплементарностью единиц характеризуется не только парадигматический, но и синтагматический блок языковой системы, участвующие в конструировании первичного знания.

Эмерджентный вид целостности связан прежде всего с семантической идиоматичностью языковых / речевых знаков. Зачастую она выявляется во взаимодействии разноуровневых единиц и выступает частной иллюстрацией закона, согласно которому в системах с иерархической структурой природа компонентов вышестоящего яруса отличается от природы нижестоящих единиц. К примеру, неполная выводимость смысла высказывания из значений слов и синтаксических отношений, наличие в нём имплицитной информации (ср. *Скоро уже выходные* (при планировании

личной встречи); *Знаешь, у нас закончился хлеб* (косвенная просьба сходить в магазин)) могут приводить к тому, что оно выступает как феномен не только кооперативный, но и эмерджентный, то есть такой, который за счёт дополнительных смысловых «наращений» качественно отличается от суммы своих компонентов.

На сегодняшний день эмерджентные характеристики в приложении к языку стали особым предметом внимания в грамматике конструкций. Под конструкцией здесь понимается языковое выражение, у которого форма или семантика не выводятся из плана выражения и плана содержания составных частей, что имеет причиной взаимоналожение свойств разноразмерных компонентов [Goldberg 1995: 4]. В системологическом видении появление у вербальной композиционной единицы новых (не суммативных) семантических свойств обусловлено рекомбинацией связей между её составляющими в их линейном сочетании друг с другом и, кроме того, вызвано стохастическим усилением фоновых, имплицитных характеристик значения [Муратов, Поварич 2012: 272]. Специфическое взаимодействие фонетических, грамматических и лексических характеристик используется говорящими при решении стилистических задач языковой игры и может быть реализовано сопряжением синтаксических единиц, содержащих, к примеру, омоним: *Его заела не среда, а вся неделя в целом* (Э. Кроткий); *На пикнике, под тенью ели / Мы пили более, чем ели* (Д. Минаев); *Я прежде думал, что быть взрослым – это круто / <...> Тебя никто уж точно не поставит в угол // Всё так и есть, конечно, но теперь за всё / Плачу; и плачу / Плачу; и плачу; // За дом, за дачу / За поход к врачу* (Д. Корзинов).

На данном этапе нашего исследования было установлено, что во многих случаях эмерджентность плана содержания возникает в ходе интеграции первичных единиц знания, так что эмерджентная семантика сопровождает не столько первичную, сколько вторичную языковую концептуализацию, которой посвящена глава 4 нашей работы.

В главе 4 «**Вторичная концептуализация мира как сфера проявления системных характеристик языка**» свойства целостности и строения языковой системы представлены соотносительно с феноменом субъективной интерпретации первичной концептосферы.

Параграф 4.1 «Развитие концептуальной системы как предпосылка формирования вторичных значений языковых единиц» освещает истоки интерпретирующей стороны речемыслительной деятельности, предлагая системологическое видение данного явления.

Формирование единиц вторичной интерпретации рассматривается как процесс и результат языкового *развития*, которое специфично для естественных знаковых систем и, в качестве ведущих, отвечает принципам качества и детерминизма системы средой. В иерархии уровней концептуализации большую роль в таком развитии играет этап вторичного осмысления человеком себя и внешнего мира. Как и в случае первичных актов познания, историческая подвижность в сфере знаковых уровней возникает как результат *обратной ресурсной (информационной) связи* языка с ментальной средой. На модификации концептуальной системы, обусловленные расширением когнитивной базы человека, новыми запросами языкового коллектива, естественный язык реагирует ростом качеств, которые *гомеостатически* сохраняют его в роли *универсального* и *гибкого*

инструмента речемыслительной деятельности. Содействующие развитию когнитивные, а также внутрисистемные языковые механизмы определяют последовательное усложнение характеристик строения системы знаков в направлении их оптимальной, компактной для функционирования организации. В жизненном цикле динамических систем такие процессы и механизмы особенно характерны для *этапов становления и зрелости*. Со стороны когнитивной среды это обеспечивается тремя её основополагающими характеристиками. Первая из них представляет собой способность ассоциативно осмысливать новые фрагменты опыта в опоре на уже существующие в сознании концепты (апперцепционный принцип познания). Данное свойство является неотъемлемой частью повседневного мышления и делает в принципе возможными формирование и репрезентацию с помощью языка вторичных структур знания, что достигается за счёт концептуальной деривации. Другая предпосылка концептуального развития, тесно связанная с первой, обусловлена такой собственно человеческой характеристикой мышления, как его креативность в обработке мыслительного содержания, которая носит конструкционный характер. Под *конструированием* в лингвокогнитологии подразумевается такой лингвоментальный процесс, который позволяет с участием языка строить мыслительные репрезентации объектов / ситуаций и вербализовать соответствующие концепты по-разному, на основе «структурирования и переструктурирования полученных знаний», с выбором той или иной перспективы, точки отсчёта, языковых средств, то есть за счёт *«особого акцента в репрезентации объектов и событий...»* [Вяляк, Максимова 2019: 429].

Не менее существенна для вторичного познания собственно человеческая склонность интерпретировать постигаемое с точки зрения биосоциального опыта, включая социокультурный, и, таким образом, обогащать мыслительный процесс субъективной оценкой и эмоциями, элементами фоновых знаний, мнений и стереотипов. Как следствие, лингвисты и семиотики говорят о выражении в языковом знаке *акта определённого понимания*, отмечают интерпретативность, а потому *вариативность воплощения смыслового задания*, хотя оно и «протекает в рамках общих закономерностей» [Колшанский 1975: 17; см. также Лосев 1982: 121].

Названные свойства адаптации системы языка в когнитивной среде образуют основу его антропоцентричности, экспериентальности под воздействием различных территориальных, социокультурных, мировоззренческих доминант коммуникативных ситуаций. Выработка методик и концепций, служащих постижению этих антропометрических сторон языковой концептуализации, входит в круг ключевых задач и важнейших достижений лингвокогнитологии.

В параграфе 4.2 «Субстанциональные параметры языковой системы во вторичном осмыслении мира» анализируются ресурсы языка как знаковой системы особого рода, способной обеспечивать вторичную концептуализацию действительности.

Подчёркивается, что ввиду практикоориентированного характера познавательной деятельности наибольшим интерпретирующим потенциалом обладают семантические сферы повседневной деятельности и относящиеся

к ним концепты, вокруг которых выстраиваются жизненные интересы носителей языка (концепты из областей «человек», «общество», «фауна» и «флора», «артефакты», «функциональные характеристики объектов» [Панасенко 2014; Болдырев 2015]). Данные сферы образуют *концептуальную сигнатуру*, которая задействуется во вторичной лингвоментальной деятельности, выстроенной на взаимонаправленных обратных связях между языком и когницией. С одной стороны, язык репрезентирует конфигурации коллективного знания, субъективные по объёму, содержанию и структуре, т.е. вербализует интерпретации тех или иных объектов соответственно интенциям говорящего [Болдырев 2018]. Но, с другой, акты интерпретации опосредованы языком, в том числе субстанциональными его характеристиками. Именно язык формирует концепты модусного типа (термин Н.Н. Болдырева), *предоставляет когнитивные модели и альтернативные знаковые способы вербализации результатов интерпретирующей деятельности.*

На уровне ресурсов языковой системы её положительные обратные связи с когницией регулярно обнаруживаются в корреляции избираемых интерпретирующих средств языка актуальной когнитивной детерминанте. Так, например, речевая актуализация одного и того же концепта, скажем, концепта СИСТЕМА, разнится в зависимости от требований рекламного или поэтического дискурсов. Как показывает материал НКРЯ, в первом случае, вследствие приоритетного положения информирующей функции и концептов ВЫГОДА, ПРОДАЖА, наиболее часто профилируются такие вторичные знания о системе, которые отражают ‘способ осуществления деятельности’ (*система окрашивания от DECORÉ*) (65%), соотносятся с ‘электронным или техническим устройством’ (*система кругового обзора*) (40%), ‘моделью или маркой чего-л.’ (*магазины системы «Ордер», аппараты всех систем*) (12%) [Миронова 2017]. Поэтический дискурс, напротив, подразумевает эстетически маркированное личностно-ориентированное общение, так что в фокус рефлексии помещается вторичное социально-политическое «прочтение» системы, то есть уклад жизни государства и общества (~75%). Оно частотно реализуется в гражданской лирике второй половины XX века [Миронова 2018]: *Рычит ли собака, мычит ли корова, / Система на страже. / [Ю.П. Кузнецов]; Тут к вопросу подойти – / Шутка не простая: / Кто в Системе, кто в Сети – / Тожже Сеть густая [А.Т. Твардовский]; ...Не трагедию, / даже не драму, / Записал, а скорей, панораму / Социального напластованья и срез / Разнослонной системы... [И.С. Холин].*

Характер интерпретирующей функции, кроме того, ложится в основу *критерия качества* языковой системы, когда речь идёт о группах знаковых элементов, *специализированных* передавать те или иные субъективно окрашенные значения. Соответственно, данный параметр играет организующую роль, в той или иной мере ограничивая объём языковых интерпретаций, а также потенциал «конструирования» действительности при их посредстве. Согласно *принципу необходимого разнообразия*, такие интерпретирующие единицы могут складываться на базе самых разных модусных концептов: **эмоций** (*радость, грусть, удивление, тревога, страх...*), **отношений** (*любовь, ненависть, симпатия, гордость, доверие...*) и **оценок** (*хороший, плохой, интересный, эффективный, красивый, добрый, вредный...*), **детерминативности** (ср. *артикли или постфиксы в европейских языках, указательные, неопределённые, определительные местоимения в русском*

языке), **аппроксимации** (ср. в русском языке выражение точности или приближительности с помощью аранжировки (*три года – три*), наречий (*определённо три года – примерно, приблизительно три года*), предлогов (*около трёх лет*), фразеосхем (*нет / не прошло и трёх лет*), однородного ряда (*через два или три года*), **релятивности** событий (ср. явление согласования времён или наличие соотносительных форм времени прошедшего или будущего плана как средства передачи таксисных отношений соотносительности событий в предложении), **отрицания** (*непогода, не найти, никакой, не с кем, невозможный, нет, отсутствовать, нехватка*), **эвиденциальности** (ср. русские вводные конструкции авторизации *по мнению кого, как отмечает кто, согласно кому / чему* или фразеологизмы *слышать своими ушами, видеть своими глазами* и т.д.), **персуазивности** (*совершенно точно, вряд ли, наверное, скорее всего, видать, кажется; как на духу, вот те крест, одна баба сказала...*) и т. д. К регулярным способам интерпретации во вторичном субстанциональном плане языка правомерно отнести 1) передачу смысла синонимическими, в том числе межуровневыми средствами (*васильковый, сапфирный, ультрамариновый, син-еват-ый, немного синий, с синим оттенком, невдомёк, не иметь понятия, ни в зуб ногой*), 2) его дискретное и недискретное представления (рус. *задавать вопрос – спрашивать, прийти к соглашению – договориться, третья планета от Солнца – Земля*), 3) экспрессивно-оценочное или прагматически нейтральное выражение (*опоздать – прост. припоздниться, смеяться – хихикать, шпион – контрразведчик*), имплицитную либо эксплицитную передачу смысла (ср. использование вопросительных высказываний в функции прямого, косвенного или риторического вопроса), транспозицию морфологических форм (*ходить в шелках в шёлках, сибирские красоты, ароматические масла; А он возьми и скажи!, Возьми он с собой палатку, можно было расположиться в лесу*) (перечисленные техники языковой интерпретации подробнее освещены в [Сергеева 2003]).

Во всей совокупности ресурсов вторичной языковой концептуализации по функциональному критерию качества могут быть выделены *идентифицирующие и характеризующие подсистемы*, которые включают в себя, наряду с первообразными, семантически / словообразовательно производные интерпретирующие единицы. Предлагая трактовку этих функций, мы придерживаемся концепции Тамбовской школы когнитивной лингвистики [Болдырев, Панасенко 2013]. Согласно тамбовским исследователям, идентифицирующая интерпретация направлена на формирование нового отражательного знания и поэтому опирается на рациональный компонент осмысления чувственной или абстрактной информации, задействуя механизмы селекции, метафоры / метонимии (*голова поезда, свежая редакция журнала*), установления когнитивного контекста и выбора перспективы (*купля-продажа; система скидок, акустическая система, избирательная система; Она радуется – У неё радость*), генерализации или специализации мыслительного содержания (*чернила (жидкий краситель любого цвета), балык (солёная вяленая рыба), платье (женская одежда)*), активизации пропозициональных схем, в том числе при передаче стереотипов (ср. *гендерный стереотип о женщинах как слабых и робких (= объектах) и о мужчинах – сильных и агрессивных (субъектах)* [Гриценко 2004]). Средства характеризующей интерпретации, напротив,

опираются на аксиологический и эмотивный модусы переработки информации и, таким образом, по природе своей более антропоцентричны. Субъективные смыслы языковых единиц, выполняющих функцию характеризующей интерпретации, создаются на основе *комплексной сигнатуры концептуальной системы*, а именно в опоре на знание естественных объектов, с одной стороны, и, с другой, на содержание модусных концептов оценки, эвиденциальности, тональности, приближенности, экспрессивности, отрицания, аппроксимации, определённости / неопределённости и нек. других [Болдырев 2013]. Во многих случаях семантика вторичных характеризующих знаков складывается на основе механизмов концептуальной метафоры, инференции и интеграции с модусными концептами (*широта* эрудиции, *великолепный* момент, *строить* жизнь; *ходить – слоняться*; *прийти часа в два*; *дворовая собаченция*; ***По её словам, Иван приехал вчера, Я видела своими глазами приезд Ивана; Она утверждает, что, мол, Иван приехал вчера.*** Следовательно, зависимость этих интерпретирующих концептов от дескриптивных знаний человека, именуемая в когнитивистике релятивностью [Болдырев 2012], составляет *системообразующий фактор*, участвующий в организации единиц характеризующей интерпретации. В случае собственно авторских, окказиональных средств интерпретирующая семантика некоторой композиционной единицы, по-видимому, имеет *системоприобретённый статус* (ср. квазиоценочные единицы в следующих высказываниях: *В этом сезоне бывшая чемпионка мира остановилась в шаге от пьедестала; Эта задача достаточно сложная и поэтому вызывает у него интерес*).

Системообразующая роль в процессах порождения идентифицирующих и характеризующих лексических дериватов, в свою очередь, принадлежит их актуальной связи с концептами ономазиологического базиса, признака и предиката, которые создают номинативную структуру производного слова: *весель-чак* (ЧЕЛОВЕК + СВОЙСТВО + ОБЛАДАНИЕ); *ветр-иц-е* (ЯВЛЕНИЕ + КОЛИЧЕСТВО + ОБЛАДАНИЕ).

Материал производной лексики даёт примеры субстанционального *полиморфизма*, когда во внутренней форме словообразовательно-пропозициональных синонимов (термин Кемеровской дериватологической школы) при объективации одного и того же концепта профилируются разные признаки реалии, что создаёт многообразие «образов обозначаемой... действительности» [Кубрякова 2004]. Так, носителями диалектов русского языка одуванчик может именоваться *летучка, пухлянка, молочник*. Зафиксированы диалектные наименования *сковороды*, выделяющие то действие (*жарница*), то результат (*оладница*), то материал (*чугунка*) [Кемеровская... 2001: 252]; наименования ветреной зимней непогоды, различающиеся интенсификацией непогоды (*метель – буран*), передвижением снега (*метель – вьюга*), звуковыми эффектами (*турга – вьюга*) [Новый объяснительный словарь синонимов 2003: 535].

Суммируя сказанное, подчеркнём, что различия в области интерпретируемых концептов, их тематических сфер, функций и форматов знания определяют собой семантическое многообразие разноуровневых элементов языка и речи, способных означивать широкий спектр антропоцентрических интерпретаций. Благодаря вербальным средствам

интерпретации достигается целесообразное и притом эквивалентное кодирование вторичных ментальных сущностей.

Вопрос о структурных параметрах языка в свете субъективной концептуализации мира разрабатывается в *параграфе 4.3 «Структурные характеристики языка и вторичная концептуализация мира»*. Показано, что целесообразная обратная связь языка с когнитивией порождает участки *изоморфизма* между организацией вторичных знаний и производных вербальных структур. Сопряжение исходных единиц концептосферы, обогащая и организуя когнитивный опыт человека, находит выражение не только в его сознании, но и в естественном языке. Структурные взаимосвязи вербальных единиц рассматриваются как постоянный фактор организации интерпретирующего содержания, важнейший для концептуальной и языковой систем. Показано, что в соответствии с системными постулатами *детерминизма, выбора и качества* характеристики внутренней и внешней, морфологической и динамической структуры языка устанавливаются на таком качественном уровне, чтобы благоприятствовать развитию когнитивной метасистемы, с одной стороны, и, с другой, адекватно передавать вторичные смыслы. Такая адаптация достигается путём *определённого, функционально целесообразного структурирования смыслового содержания при помощи языковых и когнитивных механизмов*, поскольку в основе семантических структур лежат концептуальные структуры, ассоциируемые со знаками, и каждая такая конфигурация стоит за значением слова в языке и речи.

Осваивая мир в опоре на уже известные элементы концептосферы, когнитивный аппарат человека упорядочивает и ассоциативно встраивает новые знания в сеть имеющихся у него ментальных репрезентаций. *Организирующими ограничениями* в данном процессе являются психофизиологические возможности индивида, его социальные, культурные, территориальные особенности, а также сама специфика ситуативного контекста. Это вполне соответствует принципу апперцепции и наличию структуры в самой познавательной деятельности, осуществляемой с помощью когнитивных моделей. Упорядоченная организация вторичного когнитивного опыта облегчает и ускоряет доступ к его компонентам, и, вследствие этого, языковая система прибегает к различным видам мотивированности.

Положительный характер обратной связи языка с когнитивией приводит к тому, что *закономерности структурной организации вторичных знаний ложатся в основу вторичных вербальных структур*. Когнитивный субстрат таких вторичных единиц образуют итоги концептуальной деривации, так что каждый из способов, моделей и механизмов интерпретации в языке отсылает к межконцептуальным связям и связям концептуальных признаков внутри новообразованных структур. В качестве организующих принципов когнитивии здесь выступают интегративность и композиционность структур знания [Бабина 2003] по моделям «части-целого», «нейтрализации», «усиления или ослабления определённой характеристики», «градации степени проявления признака», а также «изменения перспективы репрезентации концепта» [Ивашкевич 2016: 57]. Таким образом, *системоприобретённые связи* двух концептов, обусловленные развитием концептосферы, в конечном счёте вырастают из отношений между сопрягаемыми концептуальными признаками.

Предпосылка структурирования семантической информации создаётся также благодаря сохранению связей производности вторичных концептов с исходными на основе логических отношений между ними. Эти связи, согласно исследованию [Тупикова, Семухина 2019], можно свести к трём универсальным типам концептуальной деривации: конкретизирующей, трансконцептуальной и абстрагирующей. В первом случае новый фрагмент опыта складывается за счёт конкретизации или оценки отдельных концептуальных признаков. Такие вторичные концепты репрезентируются в семантике лексем, *выражающих оценку*, во внутренней форме *производных слов, фразеологизмов, эфемизмов и дисфемизмов*. При этом наличествует комплексное участие морфологического и функционального аспектов системной структуры. Например, словообразовательные модели представляют собой схемы компактной вербализованной композиции пропозиционально связанных концептов. Морфологическую сторону номинативной структуры производного слова составляет пропозиция, лежащая в основе вторичной лексической единицы; функциональная же сторона усматривается в иерархии ролей каждого из элементов этой структуры (ономасиологического базиса, признака и предиката, логически связующего концептуальные характеристики базиса и признака).

Следующий, трансконцептуальный, вариант формирования вербализованных структур знания заключается в когнитивной опоре на уже существующую в языке номинацию при активизации связей между концептами внутри одной или разных ментальных областей. Соответственно, данный тип представлен такими языковыми явлениями, как *метонимия, образное сравнение и метафора, идиоматизация, прецедентность* [Болдырев 2018: 39; см. также Тупикова, Семухина 2019: 865], из которых *семантическая деривация* наиболее частотна. Функциональные связи между исходным и вторичным концептами, стоящими за полисемантом, поддерживаются использованием общей знаковой формы. Сегодня известно, что такой способ структурирования языкового сознания содействует стратегически экономному и упорядоченному оперированию ресурсами памяти при образовании или воспроизведении вербальных единиц [Гаспаров 1996: 57]. Одновременно он позволяет реализовать ряд системных принципов: *иерархичности* (ср. историческую производность и когнитивную зависимость вторичных ЛСВ от более раннего), *необходимого разнообразия* (ср. соответствие количества, а также содержания ЛСВ разного рода концептам, подлежащим вторичной фиксации) и *экономии* (ср. возможность сокращения языкового / речевого кода за счёт сведения ассоциативно связанных концептов под общим экспонентом знака).

Так, в случае вторичных метафорических выражений вроде *стена дождя, стена тумана, люди идут стеной* актуальные связи сопряжённых в блэнд ментальных областей, например, областей СТРОЕНИЕ и ПОГОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ, создают образность внутренней формы, что даёт возможность и акцентировать приоритетные характеристики обсуждаемого, и устойчиво закрепить вторичную лингвоментальную единицу в структуре сознания. Метафорический перенос демонстрирует более или менее конвенциональные межконцептуальные переходы (между областями источника и цели), которые схематизируются за счёт моделей онтологической, ориентационной либо структурной метафор по сходству

формы (*боксерская группа*), цвета (*малиновый закат*), звучания (*серебряный голос*), месторасположения (*ветка железнодорожных путей, центр интересов, приподнятое настроение, жить в радости*), структуры действия (*нырнуть в толпу, облака плывут*) и нек. другие. Комплексное участие этих организующих механизмов характерно для метафониимии, явления, описанного в начале 90-х годов Л. Гуссенсом (*прикусить язык, аплодировать переменам* [Goossens 1990]).

При метонимизации языковая форма результирует сдвиг фокуса внимания в рамках стереотипных предметных отношений внутри одной ситуации [Гак 1977]. Такой способ интерпретации отвечает когнитивной индексальности, или способности мышления достраивать целое по части (и наоборот), воспроизводить один элемент денотата на основе другого – передавать, в частности, концепты субъекта, места, результата действия, используя номинацию самого действия (ср. *редакция выпуска продолжается – дружная редакция, адрес редакции, свежая редакция*).

Третий, абстрагирующий, тип концептуальной деривации [Тупикова, Семухина 2019: 865] влечёт за собой появление таких единиц, исконных или заимствованных, которые закрепляют вертикальные межконцептуальные связи в формате новообразованных интегративных структур. Данный процесс вызывает появление таких многозначных единиц, которые именуют матричные объединения концептов, а в структуре ЛСГ – категориальные. Образование этих парадигматических структур отражает движение мысли от конкретного к абстрактному или наоборот. Одну из частных иллюстраций представляет конкретизация значения слова *система* в различных когнитивных контекстах. Так, в рамках матричного формата знания наиболее абстрактное знание о системе ('упорядоченная совокупность элементов, объединённых единой целью') уточняется в контексте когнитивных областей ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА, ОБЩЕСТВО, НАУКА, ФИЛОСОФИЯ, ТЕХНИКА, КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, БЫТ и МЕДИЦИНА [Миронова 2019].

Концептуальная деривация находит регулярное выражение и на уровне грамматических структур, которые в этом случае не только раскрывают принципы организации языка как системы коммуникации, но и, выступая схемами вторичного познания, интерпретируют знания о фрагментах опыта. К примеру, при формировании смысла синтаксических единиц говорящий соотносит элементы языкового и неязыкового знания (синтаксических моделей и сведений о мире) со знанием коммуникативно-прагматического контекста, определённым образом структурируя концептуальное и вербальное содержание. Так, по-разному интерпретируются в языках мира концепты субъектно-объектных отношений (ср. *активный и пассивный залого, надёжное маркирование в языках номинативного, эргативного, активного и нейтрального строя*) или, скажем, логические взаимосвязи событий в сложном предложении гибкой структуры (ср. *Кто будет, тот рано встанет – Тот рано встанет, кто будет; Он изучает иностранные языки, потому что любит путешествовать – Он любит путешествовать, поэтому изучает иностранные языки – Он любит путешествовать и изучает иностранные языки*).

В интерпретационном речевом акте может модифицироваться порядок компонентов структурной схемы или полнота их реализации. Это

отчётливо иллюстрирует феномен регулярных реализаций модели предложения, демонстрирующей её изомерийный полиморфизм: *Вася рос в деревне* (N_1V_1); *После трёх лет Вася начал активно расти* ($N_1\text{CorInf}$); *Вася рос здоровым* ($N_1V_{\text{Adj}_{1.5}}$); *Рос в деревне «Семёновка» на Урале* (θV_{P}).

Таким образом, функционально целесообразное структурирование семантики в процессе концептуальной деривации содействует адаптации естественного языка к развивающейся концептуальной среде и обеспечивает качество его структурных связей, благоприятное для развития картины мира носителей языка.

Параграф 4.4 «Интегративные качества системы языка в осуществлении вторичной концептуализации мира: кооперативность и эмерджентность» помещает в центр внимания целостные свойства интерпретирующих языковых явлений.

Утверждается, что рост числа вторичных единиц за счёт концептуальной деривации придаёт когнитивной среде большую *сложность целостных свойств*, которые находят выражение на уровне *кооперативности* и *эмерджентности* языковых знаков. Являясь подсистемой когниции, естественный язык объективирует структуры сопряжённых концептов одной или разных областей. Он манифестирует их в структуре и семантике актуальных или виртуальных единиц, на уровне узуса или окказионального употребления. Нарастанием когнитивно обусловленных целостных свойств укрепляется гомеостатичность бытования естественного языка в среде, более эффективно решается задача альтернативного и антропометричного конструирования картины мира.

С позиций лингвокогнитологии целостные феномены языка могут быть рассмотрены в статическом и динамическом аспектах. Статическую кооперативную целостность обнаруживают, во-первых, установленные между вторичными языковыми единицами виды системных отношений (иерархические, парадигматические, эпидигматические и синтагматические), а также органическое соединение когнитивной, номинативной и коммуникативной функций вербальных интерпретаций. Широкий круг языковых парадигм (ср., к примеру, *группировки обще- и частнооценочных слов, средств выражения отрицания, вариантов грамматических категорий*) по принципу *специализации подсистем* дополняют друг друга в общей функции – обеспечивать идентифицирующую либо характеризующую концептуализацию объектов, реализуя её факультативно или обязательно с точки зрения законов данного языка.

Во-вторых, в статике результата с опорой на сопряжённость частеречных морфологических концептов представлены гибридные значения причастий, деепричастий, номинализаций (*читающий, читая, чтение, доброта*), интерпретирующие один признак онтологии мира (действие или качество) сквозь призму другого (качество или вещьность).

В-третьих, комплементарная целостность, как и в случае первичной языковой концептуализации, обнаруживается в плоскости межуровневых связей. Она находит проявление во взаимобусловленности единиц морфемного, лексического, грамматического строя при формировании и вербализации вторичного тематического (языкового) либо операционального (речевого) концепта. В роли частного примера выступают закономерности морфотактики, накладывающие семантические ограничения

на образование нового слова в зависимости от логической совместимости значений аффикса и мотивирующего слова. Так, в русском литературном языке отсутствуют обозначения неполноты признака, производные от мелиоративов: **умноватый*, **симпатичневатый* и другие подобные. В содружестве с лексикой узуально используются и средства синтаксиса (фразеосхемы), к примеру, для выражения идеи градации некоторого признака: *самый что ни на есть умный; вроде бы умный человек, а такую глупость говорит; умный, как никто другой в мире* [Дзюба 2012] и т.д. Лексико-грамматическая целостность (словоформы + схемная семантика) лежит в основе высказываний, используемых для интерпретации ситуаций разного типа (ср. *Она радуется – Ей радостно – У неё радость; Девочка сбила яблоко с дерева – Ветер сбил яблоко на землю*).

Статически могут быть представлены вторичные композиционные единицы языка или текста, а также отдельные языковые «техники», принимающие участие в кодировании вторичных концептов. К примеру, на микроуровне семантика многих оценочных слов складывается и бытует как гетерогенное эмерджентное единство признаков дескриптивного, то есть исходного более объективного, и вторичного, более субъективного, знания. С точки зрения динамической кооперативная / эмерджентная целостность выражается в создании новых композиционных единиц или в речевой актуализации говорящим уже существующих средств вербальной интерпретации.

При анализе когнитивно обусловленной эмерджентности языковых явлений важно иметь в виду *иерархичность холистических параметров системного целого в его развитии и функционировании*. Это положение весьма актуально для человеческой когниции, поскольку содержание сознания и мышления способно усложняться за счёт *эмерджентного слияния, интеграции* (блендинга) концептов, ментальных пространств, содержащихся в них различных аспектов информации [Виноградова 2015: 83]. Предпосылкой эмерджентности языковых явлений, различных приращений смысла служат не суммативные качества стоящего за ними бленда. Среди таких явлений, как показано в нашей работе, находятся метафорические значения многозначного слова, к примеру, зооморфизмы (*лиса, сурок, лебёдушка*), мутационные значения лексических дериватов (*аквалангист, остолбенеть, молниеносный*), значения относительных прилагательных (*грибной (-ая) дождь / поляна / корзинка*).

На синтаксическом уровне наибольшей эмерджентностью, дающей уникальный не суммативный смысловой результат, обладают, например, высказывания, которые в условиях эстетической коммуникации носят нерегулярный, собственно авторский характер (*Ни единою буквой не леу; Страна Любви – великая страна! // И с рышарей своих для испытаний / Всё строже станет спрашивать она* (В. Высоцкий)). В ряду иллюстраций когнитивно обусловленной синтаксической эмерджентности отметим также фразеологизмы (*Два сапога пара, Семь пятниц на неделе, Грызть гранит науки, Закинуть удочку*), высказывания с компонентом имплицитной информации (*Он добился высоких результатов ради своей любимой; Стало историей время Горбачева и его последователей, пришло время людей, способных брать ответственность на себя; Есть куда идти*), а также высказывания, построенные на основе конструкций-фразеосхем.

Экспрессивно-оценочный план в последних зачастую доминирует над объективным содержанием и, кроме того, наблюдаются непредсказуемые аспекты формы / содержания (*Сегодня так сегодня, Зачем чёрный? То ли дело оранжевый!, Так он ей и поверил!*).

Глава 5 «Системологическая интерпретация характеристик естественного языка как инструмента первичной категоризации мира» посвящена исследованию категориальных свойств языка как инструмента когниции с применением системного подхода. Специальное внимание в данной главе мы уделили процессу первичной языковой категоризации.

В **параграфе 5.1 «О сущности категоризации в когнитивном опыте человека»** на основе обзора концепций феномена категоризации (И. Кант, Э. Кассирер, Дж. Лакофф, Е.С. Кубрякова, В.А. Гуреев, В.Ф. Петренко, Э. Рощ, Р. Браун, J.S. Bruner, J.J. Goodnow, G.Austin), предложенных в философии, психологии, биологии, лингвистике, определяется существо данного процесса и его место в повседневной ориентации человека. Рассмотрены принципы устройства и ряд классификаций известных науке категорий. Констатируется, что когнитивный опыт познающего субъекта опирается не только на содержание концептов, но и на категориальную обработку информации. Структурирование концептуальной метасистемы с помощью категорий обеспечивается данной человеку с рождения способностью мозга к рубрикации объектов, благодаря которой он идентифицирует и различает их, строит прогнозы, и, на этой основе, мысленно упорядочивает мир, сводя разнообразные явления в типизированную схему – рубрику опыта. Соответственно, при изучении системных свойств языковой когниции это качество когнитивной среды следует, безусловно, учитывать.

Лингвокогнитивный подход помещает в область своих интересов как сходные, так и различные по способам выражения, масштабу и структуре языковые категории. *Категоризация* предстаёт как сложная функция когниции, направленная на организацию концептуального содержания с помощью схематизированных структур знания, объективированных в категориях лексики и грамматики. Такие коллективные схемы рубрикации вносят целесодействующий вклад в возможность взаимопонимания собеседников, поскольку позволяют выстроить процесс передачи информации на едином лингвоментальном основании, служат для носителя языка *миромоделирующим* и *ориентирующим инструментом* во взаимодействии со средой.

В динамическом отношении под когнитивной категоризацией мы подразумеваем «процесс образования и выделения самих категорий» на основе прагматически существенных характеристик, а также само «упорядоченное представление разнообразных явлений через сведение их к меньшему числу разрядов или объединений» [КСКТ 1997: 42]. Алгоритм категоризации содержит ряд последовательных этапов: выбор объекта и его признаков для когнитивной обработки → идентификация по выделенным признакам → отнесение к уже знакомой категории, классификация → наделение объекта категориальным именем [Дзюба 2015; см. также Barsalou 1987]. Как результат категоризация представлена интегративной структурой знания о концептуальном объединении предметов, лиц, явлений, а также о месте каждого из них в этой структуре. Категориальный формат, таким

образом, организует концептуальное содержание за счёт определённых *ограничений на ресурсы и конфигурацию элементов знания*.

В контексте нашего исследования особую значимость представляет тот факт, что категоризация обусловлена не только объективной онтологией внешнего мира, не только универсалиями работы мозга, но и субъективно-интерпретирующей природой сознания и мышления [Пылишин 1973; см. также Корнилов 2013], что вполне согласуется с *принципами антропоцентричности и многофакторности* бытия концептуальной системы. Разнообразная феноменология объектов действительности, различная уровневая принадлежность концептов и их структурно-содержательная специфика, особенности национальной культуры, эрудиции, а также влияние когнитивной детерминанты приводят к широкому разнообразию и полиморфичности категорий в человеческом сознании. В современной теории категоризации это отмечает принцип *множественности и разнородности оснований (стратегий) рубрикации объектов* [Дзюба 2015]. Так, например, категоризация может опираться в большей степени на сенсомоторное или рефлексивное мышление; на обыденную, научную, мифологическую, художественную картину мира; логическую (родо-видовую, теоретическую) или же экспериенциальную (прототипическую) структуру знания; на тот или иной уровень абстракции в зависимости от детерминанты познавательной активности.

В параграфе 5.2 «Субстанциональные признаки языковой системы с точки зрения первичной категоризации мира» предмет исследования сконцентрирован на участии характеристик состава языковой системы в первичной категоризации действительности.

Обоснована *организующая роль* когнитивной категории, которая накладывает определённые ограничения на ресурсы языковой категории (т.е. участвующие в её трансляции элементы) и на механизмы её формирования / функционирования. Языковой знак, как элемент идеальной символической системы, обслуживающей когницию, позволяет разграничивать категории и закреплять в сознании их обобщённое содержание. Отмечается, что в соответствии с *системным принципом качества* языковые значения складываются и функционируют соотносительно с характеристиками структуры и содержания когнитивных категорий. Однако, помимо когнитивно обусловленных черт (исходно *системообразующих*), языковые категории приобретают дополнительные свойства (*системопробретённые*), адаптирующие ментальные структуры к особенностям системы конкретного языка и речевого акта. В действие вступают дискурсивные и семиотические факторы, включая влияние нормы (*принцип многофакторности*), происходит пересечение феноменологической и «языковой логики». Так, например, семантика лексических категорий, как известно, предполагает преобразование стоящих за ними концептов до «отображения» только коллективно значимой части. Актуализация концепта некоторой первичной ситуации в синтаксисе также связана с использованием определённой языковой техники (ср. выбор структурной модели предложения, полнота / эллиптичность, маркировка синтаксических отношений).

В зависимости от характера когнитивной сигнатуры по *функциональному критерию качества* репрезентации первичных языковых категорий подвергаются *системной специализации* и подразделяются на

грамматические и лексические. Категории грамматики, в том числе первичные, отражательные (категория рода в классе номинаций живых существ, число существительных, глагольная категория времени), закрепляют и транслируют опорные смыслы языковой картины мира и, как следствие, образуют закрытый класс формально маркированных единиц. Морфологические категории упорядочивают в сознании и коммуникации наиболее регулярные, постоянные и объективные черты фрагментов окружающего мира; синтаксические передают структуры обобщённого знания о типизируемых ситуациях. Части речи представляют собой основополагающую *подсистему элементов, которая служит цели рубрикации* важнейших аспектов материального, социального, психического опыта. Выполняя в системе языка *особую организующую роль*, вербально ориентированные грамматические категории регулярно, на уровне навыка воспроизводятся в речи.

Средства лексической категоризации, напротив, составляют открытый ряд. Их концептуальная сигнатура ориентирована на репрезентативный аспект речемыслительной деятельности в членении и структурировании культурозначимых фрагментов мира. Субстанциональные ресурсы любой лексической категории, в том числе первичной, представлены совокупностью лексем – членов номинативного поля концепта, образующего базис мыслительного класса. В составе словоформы он передаётся основой слова либо специальными классовыми показателями. За выбором и декодированием слова стоит концептуально-языковое взаимодействие, которое обусловлено подведением предмета речи под ту или иную отражательную категорию. При выполнении языком коммуникативной функции именно лексические элементы выступают ведущим языковым механизмом, который указывает собеседникам обоюдное направление категориальной обработки предмета речи.

Объём и функциональное состояние элементов лексической категории небезразличны к организующей роли когнитивной детерминанты, которая делает возможным существование обыденной, научной и профессиональной версий языковой категоризации [Дзюба 2015], конкретно-предметной и абстрактно-системной [Кравченко 1996]. Связь с тем или иным вариантом категоризации служит *критерием качества*, объединяющим лексические элементы в подсистемы двух последовательно развившихся логик: эмпирической (практической, сенсомоторной), а затем и научной (логико-теоретической). Отметим также, что в зависимости от действующей детерминанты, к примеру, гендерной, один и тот же фрагмент опыта может соотноситься с разными категориями и их номинациями (*пылесос* – предмет быта и техническое устройство, *весёлый* – свойство и состояние, *просить* – речевое действие и побуждение к действию).

В предельном случае первичные единицы мысли лежат в основе содержательных категорий целых текстов, таких, например, как тип речи, информативность, тема и смысл, когерентность и завершённость, смысловые фокусы (ср., скажем, традицию выделения исторических, любовных, детективных, фантастических романов; художественной и нехудожественной прозы).

На основе системологической интерпретации первичных категорий, передаваемых средствами различных языковых уровней, делается вывод

о том, что субстанциональный план языковой реальности в аспекте категоризации характеризуется большим многообразием, сочетанием в нём устойчивости и изменчивости. Это вполне оправданно для сложной открытой коммуникационной системы и весьма обусловлено влиянием когнитивной детерминанты, ведущей к дифференциации в языке специальных подсистем, «обслуживающих» определённые мыслительные категории-сигнатуры. Каждая из языковых категорий подчиняется определённым принципам организации, что выражается в наличии ограничений на объём и качественное состояние элементов категории. В статике и функционировании языковой системы лексические и грамматические категории задействуются на всех этапах вербального общения. О единстве двух этих видов категорий свидетельствует и переход между ними, возможный с увеличением степени условности, обобщения и осознанности при оперировании категориями.

Параграф 5.3 «О роли структурных признаков системы языка в первичной категоризации объектов» посвящён рассмотрению конструктивных свойств естественного языка, как они явлены в осуществлении первичной категоризации действительности.

Структурные характеристики концептуальной и языковой систем выходят на первый план в самом определении категории как особого *формата* знания. Эта сущностная роль структуры обусловлена самой функцией категоризации – обобщать фрагменты опыта и сохранять их *в упорядоченном виде*. С системологических позиций правомерно вести речь о *внутренней и внешней структуре* языка с её статическими и динамическими аспектами. Согласно *принципам коммуникативности и детерминизма* в существовании систем, признаки внешней структуры представляют собой находящиеся в подвижном равновесии статические отношения и динамические связи единиц языка с компонентами категориальной метасистемы. На этих связях основываются репрезентативный и семиологический аспекты первичного категориального плана языка, и, соответственно, в русле *принципа качества*, ими определяется его конкретное представление в языковых значениях и в дискурсе. Специфика взаимоналожения когнитивных и языковых категорий, универсального и идиоэтнического в них является причиной неодинакового членения мира в семантическом пространстве разных национальных языков (ср., к примеру, различную степень детализации категорий ЖИВОТНЫЕ или ПУТЕШЕСТВИЕ в ряде языков мира, к которой мы обращаемся в пп. 5.1 и 5.2 диссертации).

Наличие у языка такого рода внешних связей делает возможным формирование и понимание категориальных значений в когнитивном контексте отражательной либо собственно языковой категории, в контексте декларативного либо процедурного знания, прототипической или логической организации знания.

Следует подчеркнуть преобладание *положительных обратных связей*, позволяющих семантической стороне языка гомеостатично следовать за многообразием и изменениями в системе когнитивных категорий, учитывая детерминанты когниции (*принцип многофакторности в установлении обратной связи системы со средой*). Как следствие, языковые категории нередко оказываются в той или иной мере изоморфными мыслительным: каждой связи последних соответствует некоторая связь

категорий языка. Полагаем, что это вполне отвечает *принципам устойчивости, выбора параметров и нейтрализации дисфункции* в системе. Наиболее полный изоморфизм, по-видимому, характерен для лексических категорий скажем, для тематических групп, слов-антонимов, синонимов, и, особенно, для рубрик отраслевой номенклатуры, организованных по родовидовому принципу. К этому ряду допустимо причислить категории языковой грамматики, которые, как и знание о них, организованы по ядерно-периферийному принципу. В качестве иллюстрации уместно привести менее прототипичные, супплетивные или усечённые, формы выражения числа в современном русском языке *человек – люди, опёнок – опята*, занимающие периферийное положение в структуре когнитивной и языковой категорий, а также средства передачи категории времени вроде *ем, даст, нёс*.

Частичный *структурный изоморфизм* мыслительных и языковых категорий возникает под влиянием конкретной семиотической «техники» кодирования сообщений. Одну из иллюстраций находим в соотношении лексических и грамматических категорий в пределах словоформы. Так, категории рода и предметности являются структурно независимыми в сознании, но в составе субстантивных словоформ, скажем, в русском языке функционируют как сопряжённые. Аналогичное утверждение можно, по-видимому, отнести к категориям процессуальности и числа для глагольных словоформ.

Системологически значимым рисуется тот факт, что ядерно-периферийная организация с градацией прототипических характеристик и выделением уровней абстракции (суперординатный, базовый, субординатный) придаёт концептуальной системе наибольшую адаптивность к внешним воздействиям. Система с таким устройством наиболее оптимальна для модификаций состава и структуры группировки в процессе развития познавательного опыта человека. Следовательно, отражённое в естественном языке, *исторически целесообразное подвижное равновесие* структурных параметров отвечает гибкости мышления и сознания. Закреплённость единиц концептосферы за тем или иным уровнем категориальной иерархии выступает как *внешний системообразующий фактор*, организующий в сознании языковые средства-репрезентанты суперординатного (*транспорт, животное*), базового (*автобус, собака*) или конкретизирующего уровней (*микроавтобус, терьер*). По мере удаления от ядра периферийные члены вербализованных категорий и их номинанты отличаются наиболее запутанным набором признаков [Рахилина 1998: 309], выступая, таким образом, как одна из областей *нелинейности (стохастичности)* в строении языковой системы.

Наибольшей мыслительно-языковой *сложностью* обладает стереотипная конфигурация взаимодействующих категорий, соответствующих слотам фрейма. Так, вербализованный фрейм ПУТЕШЕСТВИЕ НА ПОЕЗДЕ включает в себя целый ряд обязательных первичных категорий: *субъектов* (пассажир, проводник, провожающий), *места* (поезд в целом, вагон и место в вагоне, плацкартный или купейный вагон, станция), *времени* (срок прибытия и отправления, длительность поездки), *действия субъектов* (проверка документов, консультация у проводника, приём пищи, посещение туалета, организация досуга), *результата* (прибытие в конечную точку).

За счёт логических отношений становится возможно связывание когнитивных категорий при конструировании идеографических лексических структур [Кацнельсон 2001: 449] или синтаксических пропозиций. Поскольку же логические оппозиции категорий, их тождество, иерархия, бинарность, формируются на базе концептов, постольку структурная организация лексической категориальной системы, в том числе её сложность, имеет регулярную причинную зависимость от содержания и объёма концептуальных характеристик (микроуровень категорий).

Анализ, проведённый в данной части главы, привёл к заключению о том, что законы композиции и парадигматики языковых единиц оптимально адаптированы к категориальной стороне концептуальной системы, отвечают сущностным системным принципам и находятся с когнитивным субстратом в отношениях полного либо частичного изоморфизма. Вклад внутренней структуры в семиотическую сторону языковой репрезентации знаний обеспечивается внешней и внутренней парадигматикой морфологических и синтаксических категорий, а также способностью слова функционировать в высказывании в определённой роли. Субкатегориальные значения упорядочиваются либо по общности аспекта человеческой практики, стоящего за инвариантным категориальным значением, либо по чисто формальным основаниям, свойственным некоторым первичным категориям грамматики.

В параграфе 5.4 «Интегративные параметры системы языка как средства первичной категоризации мира» изложены итоги исследования характеристик целостности исходного категориального плана языка.

Прежде всего отмечается диалектическая взаимосвязь процессов языковой концептуализации и категоризации, что служит глобальной предпосылкой целостности когниции. Имеющаяся в сознании рубрика опыта облегчает идентификацию уже известных и понимание новых объектов действительности. В рамках до-когнитивной лингвистики на подобного рода взаимосвязь указывал С.Д. Кацнельсон, допуская *осмысление мира и присущих ему отношений исключительно через овладение категориями* [Кацнельсон 2001]. Идея взаимной координации ведущих познавательных процессов и единиц прослеживается уже в самом истолковании категории как интегративного формата знания.

Целостность лингвоментальной категории обеспечивается системообразующим признаком не только совместимости, но и функциональной однородности единиц – лексических / грамматических средств. Целостное объединение частей, как известно, не может состояться без наличия *некоторых общих звеньев*. В случае категоризации они создаются благодаря сходным концептуальным признакам членов категории.

В результате действия положительной обратной связи языка с когницией проявления целостности категориального языкового пространства, изоморфные концептуальным, содержатся на *макро- и микроуровне бытования категорий, в их статике и актуализации*. При этом, как и в случае концептуализации, выделяются два вида целостности категориального плана: *кооперативность и эмерджентность*.

На макроуровне, по *принципу взаимодополняемости элементов*, комплементарные отношения связывают разнородные лингвоментальные категории. Такого рода кооперативные отношения предполагают

непротиворечивое и целесообразное для коммуникации сосуществование данных категорий в конкретном языке и его речевых проявлениях. Одна из универсальных иллюстраций макроуровня целостности представлена идеографической классификацией лексики, где каждая лексическая категория, внося свой вклад, статически передаёт определённую часть картины мира. В этой связи обращает на себя внимание и факт взаимодействия категорий в организации единой фреймовой структуры вербализованного знания. Другой важнейшей универсалией межкатегориальной целостности видится закреплённая в языке *координация функций*, распределённых между грамматическими и лексическими категориями. Так, на примере морфологически передаваемых концептов выявлено, что взаимодействие лексических, синтаксических и текстовых категорий (и их репрезентантов) содействует уточнению в дискурсе самого общего морфологического содержания [Беседина 2010: 35].

Синтагматическая актуализация межкатегориальной целостности возникает за счёт комбинации словоформ различных частей речи в составе более сложных знаков, где кооперативность подкрепляется неоднократной реализацией в высказывании концептов близких лексических / грамматических категорий (смысловым согласованием). Благодаря смысловому согласованию в речевой цепи повышается *гомеостатичность функционирования* высказывания при выполнении стоящих перед ним коммуникативных задач.

На микроуровне частным примером кооперации категорий выступает их взаимодействие в пределах словоформы. На уровне первичных категорий одной из иллюстраций здесь является отражательный характер категории рода у одушевлённых наименований живых существ (рус. *мальчик – девочка, преподаватель – разг. преподавательница, кот – кошка*; исп. эквиваленты *un hijo (m) – una hija (f), un profesor – una profesora, un gato – una gata* и др. под.). Ещё один пример даёт феномен логической несоотнесенности граммемы настоящего времени с предельно-результативной семантикой глаголов совершенного вида (*посмотреть, взять, решить* и др. под). Взаимодополняющей координацией категориальных элементов на микроуровне, кроме того, характеризуется внутренняя парадигматика, которая, во-первых, объединяет граммемы одной грамматической категории и, во-вторых, интегрирует значения тематически сходных слов в лексической категории.

Одновременно словоформа представляет собой эмерджентный, то есть уникальный в своей целостности феномен данного языка. В плоскости первичной категоризации эмерджентность также может наблюдаться в иерархии языковых единиц, при переходе от элементов более низкого уровня к вышестоящим. Так, лексическая номинация фиксирует отражательные категории «вещей»; предложение, благодаря своей предикативности, «кристаллизует» категории типичных ситуаций (экзистенциальных, квалификативных и т.д.); синтез формальных и смысловых категорий, образующих жанр, характерен для текста.

В главе 6 «**Системные характеристики вторичной языковой категоризации мира**» свойства состава, структуры и интегративности языковой системы рассматриваются в свете представлений о языке как инструменте вторичной категоризации. В *параграфе 6.1 «Вторичная*

категоризация как реализация апперцепционного принципа осмысления мира» раскрыта когнитивная основа категориального аспекта интерпретирующей деятельности, связанная с действием механизма концептуальной интеграции в соответствии с апперцепционным принципом познания. **Параграфы 6.2 «Субстанциональные свойства языка в аспекте идентифицирующей категоризации» и «6.3 Субстанциональные свойства категориального плана языка с точки зрения характеризующей интерпретации»** сконцентрированы на соотношении субстанциональных параметров языка с двумя функциональными типами интерпретации, идентифицирующей и характеризующей. В свете вторичной категоризации проанализирован план внешней и внутренней структуры языка (**параграф 6.4 «Структурные характеристики языковой системы “сквозь призму” вторичной категоризации действительности»**); проведён анализ фактов кооперативности и эмерджентности в статике и динамике вторичных языковых категорий (**параграф 6.5 «Анализ целостных свойств языковой системы во вторичной категоризации мира»**).

Мы исходим из того, что человеческий язык, служа естественным инструментом классификации феноменов, обеспечивает её не только на исходных ступенях познания, рациональном и эмпирическом, но и в ходе более субъективного развития картины мира за счёт концептуальной деривации. Соответственно, системные характеристики языка органично «вплетены» в процессы и результаты формирования и актуализации вторичных лингвоментальных категорий. Когнитивно-системологическая интерпретация полученного материала позволила сделать следующие основные заключения.

1. В силу сущностной связи ведущих познавательных процессов, концептуализации и категоризации, когда оперирование категориями вовлекает в своё действие их элементы-концепты, системные свойства вторичной языковой категоризации тесно связаны с системными качествами языковой концептуализации.

2. Подсистемы вторичной языковой категоризации обнаруживают комплементарный характер. Совместно, по принципу *функциональной совместимости частей системы*, они расширяют возможности естественного языка в рубрикации явлений и трансляции концептуально производных смыслов, отмеченных влиянием субъективной картины мира говорящего. Для репрезентантов этих смыслов такое предназначение является *системообразующим*. С когнитивных позиций, оно базируется на *апперцепции* – свойстве человеческого мышления создавать новые единицы знания с опорой на уже сложившиеся. Апперцепционная опора на исходные категории повышает *языковую сложность* не только в плане вовлечённых в новые структуры элементов, но и на уровне количества межкатегориальных связей в языке. *Системообразующим* для вторичной языковой категоризации является и *конструкционный характер* мыслительной деятельности, который в данном случае предполагает креативность субъекта в установлении перспективы и выборе когнитивных доминант категоризации.

3. Мыслительно-языковое взаимодействие в сфере вторичной схематизации мира охватывает широкий круг *специализированных* лексических, грамматических, словообразовательных единиц, с помощью которых человек осуществляет повторную рубрикацию фрагментов опыта на

основе первичных категорий. Фактор *разнородности* интерпретирующих вербальных единиц, как проявление *оптимального разнообразия в системе*, усложняет их цельносистемное рассмотрение.

4. Участие номинантов вторичных категорий в различных видах интерпретации обусловлено такими универсальными *систеобразующими параметрами, задаваемыми концептуальной средой*, как общая (интерпретирующая) функция, апперцепционный характер вторичного категориального смысла, большее или меньшее доминирование субъективного / конвенционального начала. При узуальном употреблении языковой единицы значения этих параметров более или менее постоянны и регулярно воспроизводятся в речевом обиходе языкового коллектива. Окаzionaliальные, контекстуальные репрезентанты вторичных категорий обладают ими в *системоприобретённом статусе* и с меньшей устойчивостью в функционировании системы.

5. *Морфологическая*, более статичная, сторона внешней языковой структуры, как и в случае первичной категоризации, явлена результирующими подсистемами исходных и производных лингвоментальных категорий разного устройства и содержания. Они хранятся в памяти с опорой на устойчивые нейронные комплексы, активизируемые по определённым когнитивным моделям. Поддерживая *согласованность элементов системы*, взаимодействующие характеристики исходной и вторичной категориальных областей логически совместимы в семантике производной единицы. *Функциональная* сторона внешней структуры языка как инструмента вторичной категоризации включает в себя всю совокупность активных нейронных связей и механизмов концептуальной среды, задействованных в процессе интерпретирующей лингвоментальной деятельности.

6. *Кооперативная целостность* вторичных языковых категорий достигается тогда, когда они совместно лежат в основе семантики некоторой единицы. Такая кооперация наблюдается, например, на уровне синтеза элементов грамматических категорий, грамматических и лексических категорий или же модусных интерпретирующих категорий. *Эмерджентная целостность* обусловлена когнитивным механизмом концептуальной интеграции, в результате которого в семантике вербальных единиц создаётся уникальное единство категориальных характеристик, обладающее не суммативной идентичностью.

7. Вторичная категоризация в области грамматики активизирует ментальные схемы, в задачи которых входят вербализация статуса знания; соотнесение с общезначимой «точкой отсчёта»; указание на предельность или неопредельность глагольного денотата; отображение фокуса события; дефокусирование типичного признака; перекатегоризация; маркирование формально-структурных характеристик сообщения.

В **Заключении** даётся обобщение результатов исследования: представлены свойства естественного языка как реальной системы; установлен ряд системных параметров и принципов, регулирующих языковую когницию. При учёте специфики первичной и вторичной концептуализации / категоризации мира, их статики и динамики выявлены и описаны факты адаптации состава, структуры, а также интегративности языковой системы к запросам когнитивной среды, что позволило подтвердить

исходную гипотезу. Определены *главные векторы дальнейшей разработки системологических основ лингвоментального моделирования мира*. Так, полученный результат может быть полезен в трудах более частного характера, где системно-языковые свойства рассматриваются на материале конкретного класса фактов. Больше внимание в будущем может быть уделено некоторым другим качествам системной природы языка, к примеру, связанным с исторической динамикой состояний системы, что предполагает смещение фокуса исследования в область диахронии. Кроме этого, допускается расширение эмпирической базы когнитивно-системологической интерпретации языковых явлений за счёт иноязычного материала с последующим сопоставительным анализом языков с позиций участия их системных параметров в определённых видах концептуализации или категоризации.

Использованный алгоритм анализа, как и сам предложенный подход, допустимо распространить на изучение иных антропоцентрических характеристик языковой системы (социокультурных, прагматических) в смежных с лингвокогнитологией областях лингвокультурологического или прагмалингвистического анализа.

Интересным для истории языкознания представляется анализ когнитивных концепций естественного языка на предмет того, в какой мере эти концепции учитывают системные характеристики своего объекта и каковы причины научного внимания к тем или иным из них.

Список работ, опубликованных автором по теме диссертации

Монографии

1. Миронова, Д.М. Концептуальные основы репрезентации системы в русском языковом сознании: монография / Д.М. Миронова. – Курск: ЮЗГУ, 2019. – 260 с. – Текст: непосредственный (16,25 п.л.).

Статьи в рецензируемых научных изданиях, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования

2. Миронова, Д.М. Когнитология & системология: о роли концептуальных исследований в постижении системной природы языка / Д.М. Миронова. – Текст: непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2019. – №2. – С. 26-32 (0,7 п.л.) (Scopus).
3. Миронова, Д.М. Принципы системного подхода в концептуальных исследованиях языка: актуальность и реализация / Д.М. Миронова. – Текст: непосредственный // Филологический класс. – 2019. – № 4 (58). – С. 23-30 (0,5 п.л.) (WoS).
4. Миронова, Д.М. К вопросу о системологической адекватности когнитивного подхода к языку / Д.М. Миронова. – Текст: непосредственный // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2020. – № 63. – С. 64-82 (0,6 п.л.) (WoS; Scopus).

Статьи в рецензируемых российских изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации

5. Миронова, Д.М. Когнитивная лингвистика как новая ступень становления системного подхода к языку / Д.М. Миронова. – Текст: непосредственный

- // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2013. – № 2. – С. 31-35 (0,3 п.л.).
6. Миронова, Д.М. Метафоризация как источник формирования образного компонента концепта СИСТЕМА в русском языковом сознании (на материале ключевого имени концепта) / Д.М. Миронова. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2013. – Вып. XIV. – С. 890-895 (0,4 п.л.).
 7. Миронова, Д.М. Оценочная интерпретация как способ освоения концепта 'система' в русском языковом сознании / Д.М. Миронова. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2014. – Вып. XVI. – С. 190-201 (0,7 п.л.).
 8. Миронова, Д.М. Основные принципы существования открытых систем в зеркале лингвокогнитивных исследований / Д.М. Миронова. – Текст: непосредственный // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Серия «Науки о человеке, обществе и культуре». – 2015. – № I (21). – С. 35-41 (0,4 п.л.).
 9. Миронова, Д.М. К изучению интуитивной концептуализации системности в зеркале русских паремий / Д.М. Миронова. – Текст: непосредственный // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2015. – № 1 (31). – С. 169-173 (0,5 п.л.).
 10. Миронова, Д.М. К исследованию форматов концептуализации системности (на материале русского языка) / Д.М. Миронова. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2015. – Вып. XXI. – С. 353-357 (0,3 п.л.).
 11. Миронова, Д.М. On the study of categorical organization of the concept «system» in the Russian language consciousness / Д.М. Миронова. – Текст: непосредственный // Вестник Балтийского федерального университета им. И.Канта. Серия «Филология, педагогика и психология». – 2016. – № 4. – С. 22-28 (0,4 п.л.).
 12. Миронова, Д.М. О комплексном анализе дискурсивной репрезентации концепта СИСТЕМА / Д.М. Миронова. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2017. – Вып. XXX. – С. 601-605 (0,3 п.л.).
 13. Миронова, Д.М. Об актуализации концепта СИСТЕМА в дискурсе поэзии: опыт комплексного анализа / Д.М. Миронова. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2018. – Вып. XXXIII. – С. 306-311 (0,4 п.л.).
 14. Миронова, Д.М. От абстрактного к конкретному: исследование образной концептуализации системы в русском языковом сознании / Д.М. Миронова. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2019. – Вып. XXXVII. – С. 261-267 (0,4 п.л.).
 15. Миронова, Д.М. Когнитология&системология: о роли концептуальных исследований в постижении системной природы языка / Д.М. Миронова. – Текст: непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2019. – №2. – С. 26-32 (0,7 п.л.).
 16. Миронова, Д.М. Принципы системного подхода в концептуальных исследованиях языка: актуальность и реализация / Д.М. Миронова. – Текст: непосредственный // Филологический класс. – 2019. – № 4 (58). – С. 23-30 (0,5 п.л.).

17. Миронова, Д.М. К вопросу о системологической адекватности когнитивного подхода к языку / Д.М. Миронова. – Текст: непосредственный // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2020. – № 63. – С. 64-82 (0,6 п.л.).
18. Миронова, Д.М. Принципы системного подхода в когнитивных исследованиях языка: функциональный аспект / Д.М. Миронова. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2020. – Вып. 3 (42). – С. 74-79 (0,4 п.л.).
19. Миронова, Д.М. Когнитивное исследование языковой репрезентации научного и обыденного понятий о системе (на материале современного русского языка) / Д.М. Миронова. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2020. – Вып. ХЛП. – С. 264-268 (0,3 п.л.).
20. Миронова, Д.М. К вопросу о типологии связей в мыслительно-языковом взаимодействии: системный подход / Д.М. Миронова. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2022. – Вып. 2(49). – С. 64-70 (0,4 п.л.).
21. Миронова, Д.М. Интегративность языковой системы в аспекте вторичного познания мира / Д.М. Миронова. – Текст: непосредственный // Известия Саратовского университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2022. – Т.22. – Вып.1. – С. 4-12 (0,6 п.л.).
22. Миронова, Д.М. Взаимодействие системы и среды в свете антропоцентрической парадигмы языкознания / Д.М. Миронова. – Текст: непосредственный // Вестник Удмуртского государственного университета. История и филология. – 2022. – Т.32. – № 3. – С. 524-528 (0,3 п.л.).
23. Миронова, Д.М. Проблемы категоризации в когнитивных исследованиях языка: взгляд системолога / Д.М. Миронова. – Текст: непосредственный // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2022. – № 2(45). – С. 119-126 (0,5 п.л.).
24. Миронова, Д.М. Моделирование субстанциональных свойств языковой системы сквозь призму теории организации систем / Д.М. Миронова. – Текст: непосредственный // Гуманитарные и юридические исследования. – 2022. – Том 9. – № 2. – С. 322-331 (0,6 п.л.).
25. Миронова, Д.М. Лингвокогнитология & системология: интегративность in actu (теоретический и методологический аспекты сопряжения) / Д.М. Миронова. – Текст: непосредственный // Дискурс. – 2022. – Том 8. – № 4. – С. 122-135 (0,9 п.л.).
26. Миронова, Д.М. Об идентификации системной онтологии носителями современного русского языка: лингвокогнитивное исследование / Д.М. Миронова. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2022. – Вып. 4 (51). – С. 736-741 (0,4 п.л.).
27. Пенькова, А.В., Миронова, Д.М. Моделирование переводческих трансформаций: когнитивный аспект (на материале романа Джейн Остин «Гордость и предубеждение») / А.В. Пенькова, Д.М. Миронова. – Текст: непосредственный // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2023. – Т. 13. – №4. – С. 98–112 (0,9 п.л. / 0,45 п.л.).

Статьи в других изданиях

28. Миронова, Д.М. К исследованию категориальной организации концепта “система” в русском языковом сознании / Д.М. Миронова. – Текст: непосредственный // Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике: сборник научных статей. – Санкт-Петербург, 2014. – Вып. 5. – С. 37-42 (0,4 п.л.).
29. Миронова, Д.М. Об исконной семантике глагола «бить» / Д.М. Миронова. – Текст: непосредственный // Неофилология. – 2017. – Т.3. – №4 (12). – С. 30-34 (0,3 п.л.).
30. Миронова, Д.М. Об освоении концепта СИСТЕМА в русской языковой картине мира: диахронический взгляд / Д.М. Миронова. – Текст: непосредственный // Міжкультурная камунікацыя і прафесійна арыентаванае навучанне замежным мовам: Матэрыялы XII Міжнароднай навучнай канферэнцыі, прысвечанай 97-летию образования Белорусского государственного университета. – Минск: Белорусский государственный университет, 2018. – С. 78-79 (0,1 п.л.).
31. Миронова, Д.М. Основные принципы когнитивной лингвистики в свете теории систем / Д.М. Миронова. – Текст: непосредственный // Пражский лингвистический кружок и развитие лингвистики XX века (к 140-летию со дня рождения Вилема Матезиуса): материалы Международной научно-практической конференции. – М.: МГОУ, 2022. – С. 90-96 (0,4 п.л.).
32. Миронова, Д.М. Коммуникационная сущность естественного языка как фактор его системной антиномичности / Д.М. Миронова. – Текст: непосредственный // Язык, культура, ментальность: проблемы и перспективы филологических исследований: сборник материалов IV Международной научной конференции. – Курск: ЮЗГУ, 2022. – С. 168-173 (0,4 п.л.).
33. Миронова, Д.М. Кооперативность и эмерджентность языковых единиц в свете задач вторичного познания мира / Д.М. Миронова. – Текст: непосредственный // Аномалия в языке, гармония в речи: сборник научных статей Международного круглого стола, посвящённого памяти Заслуженного деятеля науки Республики Беларусь Альбины Николаевны Степановой. – Минск: МГЛУ, 2023. – С. 120-126 (0,4 п.л.).
34. Миронова, Д.М. О понятии «мёртвый язык» в системологическом освещении (на материале латинского языка) / Д.М. Миронова. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы романо-германской филологии и методики преподавания иностранных языков: сборник материалов XIII Международной научной конференции. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2023. – С. 97-102 (0,4 п.л.).

Подписано в печать 28.02.2024.
Формат 60×92/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 2,4.
Тираж 100 экз. Заказ № 17011.

Отпечатано в типографии ООО «Регион-Пресс»
305035, г. Курск, ул. Пирогова, д. 3.